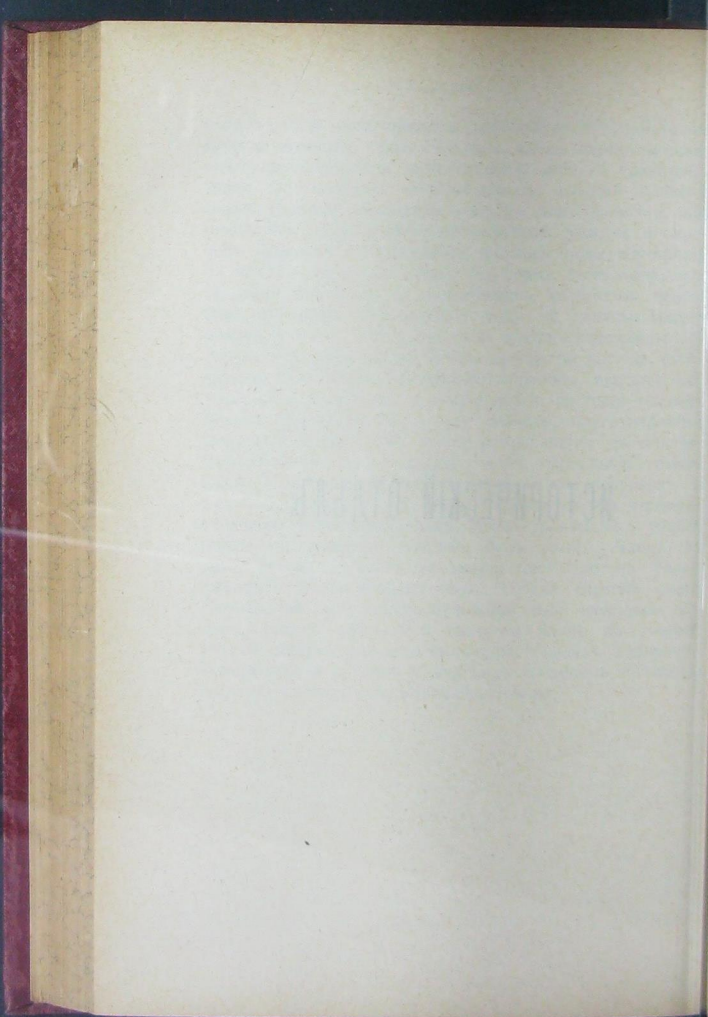

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Языческая вѣра славянъ.

Русское государство очень велико; живутъ въ немъ не только русскіе, но и другіе народы. Почти всѣ они исповѣдуютъ христіанскую вѣру; немногіе держатся мусульманской или магометанской религіи; но есть и такіе, которые не вѣрятъ въ истиннаго Бога; они до сихъ поръ остались язычниками и поклоняются идоламъ, сдѣланнымъ изъ глины, дерева или камня. Такими же идолопоклонниками были и наши предки славяне тысячу лѣтъ тому назадъ. Въ то время въ другихъ государствахъ уже прочно утвердилась вѣра Христова и распространялось образованіе; славяне же жили уединенно, далеко отъ другихъ христіанскихъ народовъ; поэтому понятіе объ истинномъ Богѣ не скоро дошло до нихъ.

Живя почти постоянно подъ открытымъ небомъ, они постоянно видѣли многое, чего не могли себѣ объяснить: видѣли они прекрасное голубое небо и страшныя громовыя тучи; радовались веселому свѣтлому дню и боялись темной ночи; праздновали наступленіе весны и неохотно ожидали суровую зиму. И стали славяне считать божествомъ все то, что выше, прекраснѣе или сильнѣе ихъ. На небѣ, по ихъ мнѣнію, жилъ страшный грозный богъ — Перунъ. Онъ управлялъ громомъ и молніей, металъ свои огненные стрѣлы въ того, кто неосторожно прогнѣвить его. Но былъ на небѣ и добрый богъ, который всѣмъ свѣтитъ, всѣхъ согрѣваетъ, безъ котораго ничто не могло бы жить на землѣ; называли его Дажбогомъ. Кромѣ Перуна и Дажбога, славяне очень почитали еще бога Волоса или Велеса, заботившагося о стадахъ, потому что главнымъ богатствомъ славянъ былъ скоть. Затѣмъ было еще много не столь важныхъ боговъ; по представленію славянъ, они жили повсюду, помогали или вредили людямъ: въ

лѣсахъ жили лѣшіе, въ болотахъ и рѣкахъ — водяные и русалки; каждый домъ оберегался своимъ собственнымъ богомъ — домовымъ.

Славяне представляли своихъ боговъ въ человѣческомъ образѣ; они дѣлали ихъ изображенія — кумиры или идолы и усердно поклонялись имъ, считая за настоящихъ боговъ. Боги, — такъ думали славяне, — любили все то же, что и люди — пищу, напитки, веселье. Если богъ разгнѣванъ, его можно умиловить подарками или жертвами: украсить идола серебромъ или золотомъ, заколотъ и сжечь тучнаго вола или другое животное. Но дороже всего человѣку его собственная жизнь, а потому богу пріятнѣе всего, когда въ жертву ему приносятъ людей. Для этого славяне убивали плѣнниковъ, взятыхъ во время войны, а иногда и кого-нибудь изъ своихъ.

Вообще, наши предки были очень грубы. Особенно сурова была у нихъ доля женщинъ; имъ приходилось исполнять самыя тяжелыя работы. Богатые и знатные часто имѣли по нѣскольку женъ. Когда умиралъ мужъ, одна изъ женъ обрекала себя на смерть вмѣстѣ съ нимъ. Женщина, по понятіямъ славянъ, не могла одна попасть въ рай; ее допускали туда только съ мужемъ. Когда умиралъ знатный русъ, его прежде всего клали на нѣсколько дней въ могилу; тѣмъ временемъ шили ему новое платье; жена же, обрекая себя на смерть, пила, пѣла пѣсни и веселилась. Когда платье было готово, изъ рѣки вытаскивали лодку покойнаго и ставили въ ней палатку, украшенную коврами. Затѣмъ вынимали мертвеца изъ могилы, обряжали его, обкладывали подушками, усаживали въ палаткѣ и складывали возлѣ него множество различныхъ предметовъ: хлѣбъ, мясо, плоды, напитки, оружіе, музыкальные инструменты. Потомъ приводили его собаку, разрубали ее на двѣ части и бросали въ лодку; то же самое дѣлали съ парой лошадей и воловъ. Затѣмъ вели въ палатку жену, убивали ее и клали рядомъ съ покойникомъ; послѣ этого лодку зажигали; черезъ нѣсколько часовъ отъ нея не оставалось ничего, кромѣ груды пепла.

Тогда насыпали тамъ могилу въ видѣ круглаго холма — кургана. Такъ наши предки справляли похоронные обряды.

Владимиръ Святой и крещеніе Руси.

Русскіе долго оставались язычниками. Вѣра Христова проникала къ нимъ медленно. Нерѣдко князья собирали дружину и отправлялись походомъ въ чужія земли. Не одни дружинники бывали въ заморскихъ странахъ: ѣздили туда и мирные гости — купцы. Тянуло ихъ больше всего въ далекую греческую сторону, въ славный городъ Царьградъ. Былъ этотъ городъ богатый и торговый; все населеніе его было христіанское. Присматривались тамъ купцы и дружинники къ христіанскому богослуженію; оно нравилось имъ, такъ что нѣкоторые тамъ же и крестились; возвращаясь домой, они рассказывали о новой вѣрѣ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія о христіанской вѣрѣ понемногу распространялись между русскими.

Князь Владимиръ Святой.

Изъ княжеской семьи первую христіанкою была мудрая княгиня Ольга. Принявши подъ старость христіанство, она и сына своего Святослава пыталась отворотить отъ язычества. Но Святославъ былъ князь очень воинственный и не хотѣлъ принимать новой вѣры, проповѣдывавшей миръ. Святославу наследовалъ сынъ его Владимиръ. Вначалѣ этотъ князь тоже не отличался кротостію, былъ во всемъ крайне неводержанъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень уменъ. Видя, что вокругъ него самые хорошіе и образованные люди — хри-

стіане, онъ и самъ сталъ задумываться и сомнѣваться въ могущество языческихъ идоловъ. Его, какъ и многихъ другихъ, очень волновалъ вопросъ о загробной жизни. По языческимъ вѣрованіямъ, загробная жизнь представляла продолженіе земной. Разумному князю это казалось, однако, невозможнымъ. Онъ видѣлъ другихъ вѣру, которая учила, что только тѣло человѣка умираетъ; душа же будетъ жить вѣчно; эта вѣра учила, что Богъ невидимъ, неосязаемъ, но всемогущъ. Вотъ и задумалъ Владимиръ принять эту христіанскую вѣру отъ грековъ. Собралъ онъ дружину и отправился походомъ на греческій городъ Корсунъ, находившійся въ окрестностяхъ нынѣшняго Севастополя. Владимиръ подступилъ къ Корсуню, покорилъ его и послалъ сказать императору, что желаетъ взять себѣ въ жены сестру ихъ Анну. Если же они ее не отдадутъ, то онъ пойдетъ на нихъ войной. Испугались греческіе цари и отправили сестру къ Владимиру, однако, съ тѣмъ условіемъ, что тотъ приметъ христіанство; нельзя быть христіаномъ мужемъ за язычникомъ. Владимиръ обрадовался: ему устроилось, какъ онъ хотѣлъ; онъ принялъ христіанство и женился на знатной царевнѣ. На томъ мѣстѣ гдѣ Владимиръ принялъ крещеніе, выстроены теперѣ великолѣпный храмъ.

Съ покореннымъ городомъ князь поступилъ не такъ, какъ поступилъ бы прежде: онъ возвратилъ его греческимъ царямъ; вмѣсто заложниковъ, взялъ съ собою священниковъ, вмѣсто дани—церковную утварь и многое. Да и во многомъ другомъ измѣнился Владимиръ: онъ пересталъ нападать на сосѣдей, заботился только о защитѣ своей страны; сдѣлался настолько кротокъ, что не рѣшался казнить даже разбойниковъ; творилъ щедрую милостыню; созывалъ къ себѣ убогихъ, кормилъ, поилъ ихъ; немощнымъ же велѣлъ развозить все необходимое по домамъ. Прежнихъ женъ, которыхъ у Владимира было множество, онъ отпустилъ и сталъ жить по христіанскому закону съ одной царевною Анною.

Тотчасъ по возвращеніи въ Кіевъ, Владимиръ велѣлъ уничтожать идоловъ; онъ объявлялъ, чтобы всѣ

кіевляне, отъ мала до велика, собрались къ рѣкѣ Днѣпру и приняли крещеніе отъ греческихъ священниковъ.

Крещеніе кіевлянъ.

Это было въ 988 году. Многіе кіевляне были уже втайнѣ христіанами; они радовались, что можно будетъ

не скрывать своей вѣры. Другіе же не могли безъ слезъ разстаться съ идолами. Владимиръ, однако, хотѣлъ, чтобы ученіе Христово просвѣтило не однихъ только кіевлянъ; онъ сталъ посылать священниковъ въ другіе города. Почти вездѣ народъ крестился охотно; оказали сопротивленіе только жители новгородской области. Это произошло потому, что у нихъ были свои жрецы—волхвы и кудесники; въ другихъ мѣстахъ такихъ жрецовъ не было. Волхвы уговаривали народъ не отрекаться отъ языческихъ боговъ и защищать ихъ силою. Тогда посланнымъ князя пришлось силою взять городъ, убить или изгнать кудесниковъ.

Но не силою хотѣлось Владимиру вводить у себя христіанство. Онъ хотѣлъ, чтобы народъ его не былъ неразумнымъ, невѣжественнымъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его подданные сами могли читать божественныя книги и этимъ укрѣплялись бы въ новой вѣрѣ. Многія книги были уже переведены съ греческаго языка на славянскій св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ; нужно было только научиться ихъ читать. Владимиръ сталъ усердно устраивать школы для обученія дѣтей. Сынъ его, Ярославъ Мудрый, подобно отцу, заботился объ умноженіи книгъ. Для этого онъ собиралъ вокругъ себя ученыхъ, которые переписывали и переводили разныя сочиненія съ греческаго языка на славянскій.

Первые наши священники были греки или болгары; но вскорѣ появились и русскіе священники. Во главѣ всей русской православной церкви стоялъ митрополитъ. Онъ назначалъ въ разныя области подвластныхъ ему епископовъ. Епископы управляли церковными епархіями.

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ утвердились на Руси церковная іерархія и начатки образованія.

Владимиръ Мономахъ.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ, дѣтъ черезъ двѣсти послѣ начала русскаго государства, князья стали дѣлить свои земли между сыновьями. Такъ, русская земля начала

дробиться на многія княжества. Въ каждомъ княжествѣ былъ свой князь. Князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, считался старшимъ и назывался великимъ княземъ. Но князья не слушались его; они воевали другъ съ другомъ: каждому хотѣлось увеличить свои земли; сильные князья обижали слабыхъ. Тяжело было русскому народу: князьямъ некогда было заботиться о немъ; а тутъ еще приходилось терпѣть отъ дикихъ кочевниковъ. На югѣ русскія земли примыкали къ обширнымъ степямъ. Въ нихъ съ давнихъ поръ кочевали разные кочевые народы. Самыми сильными изъ нихъ были половцы. Они дѣлали частые набѣги на русскія земли, при чемъ все разоряли на своемъ пути и уводили множество плѣнныхъ. Князья, постоянно враждуя другъ съ другомъ, не могли дружно бороться съ половцами. То одни, то другіе князья ходили со своими дружинами на опаснаго врага, но, дѣйствуя въ одиночку, конечно, не могли побѣдить его.

Владимиръ Мономахъ.

Только и вздохнула свободнѣе Русь при Владимирѣ Мономахѣ, княжившемъ въ началѣ двѣнадцатаго вѣка. Половцы боялись его. Онъ нѣсколько разъ ходилъ на нихъ со многими князьями и всегда побѣждалъ ихъ. Въ походахъ Владимиръ не полагался на воеводъ, а всѣмъ распоряжался самъ; ложился спать послѣднимъ, вставалъ первымъ. Во время битвы отважный князь всегда находился на самомъ опасномъ мѣстѣ. „Всѣхъ моихъ походовъ, — пишетъ Владимиръ, — было 83 большихъ, а меньшихъ и не вспомню. Девятнадцать разъ заключалъ я миръ съ половцами. Болѣе ста вождей ихъ выпустилъ изъ плѣна. Избито ихъ въ разное время около двухсотъ“.

Владимиръ Мономахъ былъ князь, какихъ тогда было мало. Онъ видѣлъ вредъ княжескихъ усобицъ, скорбѣлъ о нихъ и уговаривалъ князей полюбовно разрѣшать всѣ споры. Два раза съѣзжались князья, раздѣлили между собой города и села и цѣловали крестъ, чтобы жить между собою въ мирѣ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Владимиръ попрежнему старался, чтобы князья не спорили между собой; самъ онъ всегда держалъ сторону праваго. Усобицы стихли. Всѣ князья его уважали; для младшихъ князей онъ былъ строгимъ, но любящимъ отцомъ.

Владимиръ велъ необыкновенно дѣятельную жизнь. Всегда бодрый, онъ самъ входилъ во всѣ дѣла и княжескія, и церковныя, и домашнія. Во все онъ вносилъ свой свѣтлый разумъ. Свободное время онъ проводилъ на охотѣ, которую очень любилъ. А охота въ тѣ времена была очень опасна. Вотъ какъ описываетъ ее самъ Владимиръ: „Коней дикихъ по 10, по 20 вязать я своими руками; два дикіе быка метали меня на рогахъ съ конемъ вмѣстѣ; олень меня бодалъ; два лося—одинъ ногами топталъ, другой рогами бодалъ; вепрь (дикій кабанъ) оторвалъ у меня мечъ съ боку; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня со мною; съ коня много разъ я падалъ; голову разбивалъ я два раза; и руки и ноги вредилъ себѣ; жизни своей не жалѣлъ; головы своей не щадилъ“.

Владимиръ рано обучился грамотѣ, что въ тѣ времена рѣдко случалось даже въ княжескихъ семействахъ; онъ очень любилъ книги, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ; вообще, былъ для своего времени очень образованнымъ человекомъ. Былъ онъ набоженъ, много жертвовалъ на церкви и монастыри. Дружинниковъ своихъ онъ очень любилъ, платилъ имъ большое жалованье, дарилъ богатые подарки, но строго слѣдилъ, чтобы они не грабили народъ. Ко всѣмъ онъ былъ привѣтливъ, милостивъ и правосуденъ. Онъ щедро одѣлялъ всѣхъ, кто нуждался; не давалъ слабымъ въ обиду сильнымъ; строго смотрѣлъ за судьями и начальниками по городамъ, чтобы не было неправды. Заботился о спра-

едливости, онъ дополнилъ новыми правилами „Русскую Правду“ (такъ назывались тогдашніе русскіе законы).

Владимиръ Мономахъ написалъ своимъ сыновьямъ поученіе. Изъ него видно, какой это былъ хорошій князь. Въ своемъ поученіи онъ писалъ: „Не давайте обижать народъ, накормите убогаго, подайте сиротѣ, сами судите вдовицу. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго и другимъ не давайте убивать, хотя бы и заслуживалъ смерти; не губите никакой христіанской души. Держите клятвы свои крѣпко; берегитесь лжи; не имѣйте въ умѣ и сердцѣ гордости; старыхъ почитайте, какъ отца, молодыхъ — какъ братьевъ; не обносите никого привѣтомъ и добрымъ словомъ. Въ дому своемъ смотрите за всѣмъ сами; болѣе всего чтите гостя, откуда ни пришелъ бы онъ, простой ли человѣкъ, или знатный. На войнѣ не лѣнитесь, не полагайтесь на другихъ. Когда проѣзжаете по своимъ землямъ, не давайте слугамъ причинять вредъ ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селахъ, ни на нивахъ, чтобы не проклинали васъ. Что знаете хорошаго, того не забывайте; чего не знаете, тому учитесь. Не лѣнитесь ни на что хорошее“. Такъ поучалъ дѣтей своихъ мудрый и милостивый князь, наказывая имъ жить такъ, какъ жилъ самъ.

Владимиръ Мономахъ былъ для народа выше всѣхъ князей того времени. Не было ему между ними равнаго. Народъ крѣпко любилъ его, горько оплакивалъ его смерть и называлъ его добрымъ страдальцемъ за русскую землю.

Походъ Игоря Сѣверскаго на половцевъ.

Тяжело было русской землѣ отъ половецкихъ набѣговъ. Князья русскіе часто ходили на половцевъ походами. Въ 1185 году задумалъ князь Игорь Сѣверскій съ родичами пойти на нихъ. Собралъ онъ храбрыя полки русскіе и двинулся въ степь. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣла буря, кричали птицы, вили звѣри въ степяхъ. Вступили русскіе въ половецкую землю. Несутся и половцы имъ навстрѣчу. Уже хищныя птицы

чують добычу; волки по оврагамъ завывають. Не выдержали половцы перваго молодецкаго натиска русскихъ, кинулись бѣжать. Русскіе погнались за ними и захватили богатую добычу. Три дня пировали они въ степяхъ половецкихъ, праздновали свою побѣду.

Подняли тогда ханы всю землю половецкую, двинули ее на русскихъ. Кровавой зарей начинается день; черныя тучи съ моря идутъ; закроють онѣ князей русскихъ; быть грому великому; земля дрожить; пыль по полямъ стелется; знамена шумять. Идутъ половцы отъ моря, идутъ отъ рѣки Дона; со всѣхъ сторонъ окружили они русское войско. Началась кровавая сѣча. Бились день, бились другой; на третій день къ полудню пали знамена Игоря; полегли воины за русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости; дерево, словно въ печали, опустило вѣтви свои къ землѣ. Взяли половцы Игоря въ плѣнъ, взяли и родичей его, а сами пошли разорять русскія области: уводятъ въ полонъ русскихъ женъ и дочерей; отгоняють въ степь богатыхъ стада; зажигаютъ пожары повсюду. Лютая тоска разлилась по всей русской землѣ. Не случилось бы такой бѣды, если бы князья позабыли ссоры, не завидовали бы другъ другу, да пошли бы на половецвъ всѣ вмѣстѣ.

Кто же вступится за Игоря? Кто отомститъ половцамъ за его раны? Кто вырветъ его изъ постыднаго плѣна половецкаго?

Всѣ забыли удалаго Игоря. Не забыла его одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну, горько плачетъ и причитаешь: „Полечу я кукушкою по степи, омочу свой бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, оботру князю его кровавыя раны“. Плачетъ Ярославна, приговариваетъ: „О, вѣтеръ, вѣтеръ! зачѣмъ несешь ты ханскія стрѣлы на воиновъ моего мужа? Развѣ мало тебѣ вѣять въ горахъ подъ облаками, лелѣять корабли на морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, развѣялъ мою радость по степи? О Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменные горы, ворвался въ землю половецкую; ты носишь на себѣ княжескія ладьи къ полкамъ половецкимъ. Принеси

же мнѣ моего милаго, чтобы я не слала ему слезъ моихъ. Свѣтлое-пресвѣтлое солнце! для всѣхъ ты тепло и красно! Зачѣмъ же ты жгло своими лучами воиновъ моего мужа? Зачѣмъ въ полѣ безводномъ засухою у нихъ луки согнуло, колчаны натуго сомкнуло?“

Тяжело Игорю въ плѣну половецкомъ, хоть и держатъ его тамъ въ чести, уважають его удалство. Нашелся между половцами добрый человѣкъ, помогъ ему бѣжать. Проснулись половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ. Бросились они въ погоню, но не догнать имъ удалаго князя. На одиннадцатый день добрался Игорь до перваго своего города. Обрадовались тамъ ему всѣ. Но не долго праздновалъ онъ съ женой и друзьями: поѣхалъ въ Кіевъ къ Святой Богородицѣ, молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ — князей помочь ему противъ половцевъ.

Основаніе Кіево-Печерской лавры.

Вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства появилось на Руси и монашество. Благочестивые люди, желая посвятить себя всецѣло Богу, удалялись отъ міра. Они поселялись вдали отъ селъ и городовъ, большею частью, въ глуши лѣсовъ, и проводили время въ постѣ и молитвахъ. Слава объ ихъ святой жизни распространялась вокругъ. Къ нимъ начинали приходять ученики. Около кельи подвижника ученики строили свои кельи, воздвигали небольшую церковь и обносили стѣною. Впослѣдствіи братія избирала изъ своей среды игумена, вводился уставъ, и такимъ образомъ, основывался монастырь. Князья, бояре и другіе зажиточные люди покровительствовали монастырямъ. Они дѣлали вклады деньгами и дарили имѣнія. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, монастыри богатѣли, замѣняли свои деревянныя постройки каменными, прибрѣтали цѣнную церковную утварь. Въ тяжелые годы, во время года или разоренія отъ войны, монастыри помогали окрестному населенію.

Вообще, монастыри принесли много пользы русской землѣ. Расположенные, большею частью, въ глуши лѣсовъ

или малонаселенныхъ мѣстностей, они способствовали заселенію земель. Крестьяне охотно селились вблизи монастырей, зная, что во время нашествія враговъ у нихъ есть спасеніе за крѣпкими монастырскими стѣнами. Въ тиши монастырскихъ келій иноки вели записи событіямъ, совершавшимся на русской землѣ. Благодаря этимъ записямъ (лѣтописямъ), мы теперь знаемъ о томъ, что дѣлалось на Руси нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ.

Однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ монастырей въ древней Руси была Кіево-Печерская лавра. Она была основана болѣе восьмисотъ лѣтъ тому назадъ святымъ Антоніемъ. Преподобный Антоній съ юныхъ лѣтъ почувствовалъ склонность къ монашеской жизни. Онъ ходилъ странникомъ по греческимъ монастырямъ; въ одномъ изъ нихъ, на Аѳонской горѣ, онъ постригся въ монахи. Возвратясь въ Россію, онъ поселился вблизи Кіева въ пещерѣ на берегу Днѣпра. Вѣсть объ его строгой подвижнической жизни привлекла къ нему учениковъ, которые принимали монашескій санъ и селились около него въ пещерахъ. Церковныя службы совершались въ небольшой пещерной церкви. Когда число монашествующей братіи сильно возросло, преподобный Антоній, любя уединеніе, поставилъ вмѣсто себя игумена, а самъ удалился въ другую пещеру, откуда и не выходилъ до самой смерти. Великій князь Изяславъ I отдать братіи всю занятую ими гору. Тогда были построены монастырскія зданія и небольшая деревянная церковь во имя успенія Божіей Матери. Такъ какъ первая братія монастыря жила въ пещерахъ, то и самый монастырь получилъ названіе пещернаго или печерскаго.

Много потрудился для Кіево-Печерскаго монастыря второй игумень его, святой Феодосій. Онъ жилъ въ Курскѣ, былъ сынъ богатыхъ родителей. Въ своемъ стремленіи къ подвижнической жизни Феодосій встрѣтилъ много препятствій со стороны своей матери. Она любила сына, но не сочувствовала его стремленіямъ къ монашеской жизни, не желая разстаться съ нимъ. Однажды онъ отправился со странниками въ Іерусалимъ, но на дорогѣ мать настигла его, сильно избила и привезла связаннымъ домой. Вте-

ченіе двухъ дней онъ просидѣлъ запертымъ въ отдѣльной комнатѣ безъ пищи. Другой разъ, замѣтивъ на сынѣ тяжелыя вериги, она сорвала ихъ и опять подвергла его жестокимъ побоямъ. Тогда Θεодосій тайно ушелъ изъ

родительскаго дома. Долго онъ скитался по разнымъ монастырямъ, но его нигдѣ не принимали. Наконецъ, онъ пришелъ къ святому Антонію. Видя непреклонное желаніе юноши принять монашескій санъ, Антоній велѣлъ постричь его. Еще при жизни святого Антонія Θεодосій былъ избранъ игуменомъ. Несмотря на свой санъ, онъ

былъ для братіи примѣромъ смиренія и труда. Онъ самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи и ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго послушанія. Θεодосій ввелъ общежительный уставъ, который предписывалъ всѣмъ монахамъ одинаковую черную одежду, общую трапезу, постоянные труды и молитву.

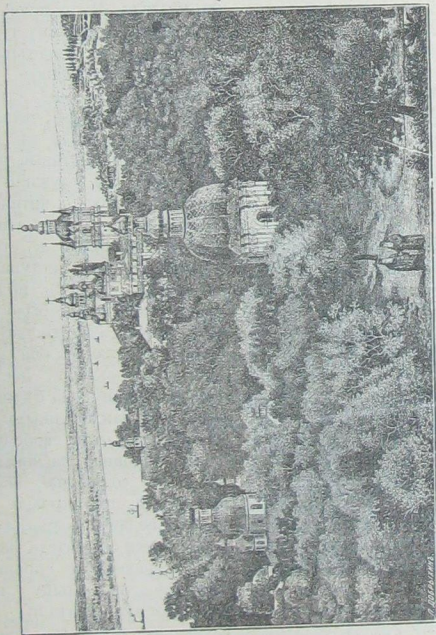

Общій видъ Кіево-Печерской лавры.

По этому уставу ни одинъ изъ монаховъ не долженъ былъ имѣть никакой собственности. Изъ монастырскихъ средствъ Θεодосій удѣлялъ десятую часть доходовъ бѣднымъ; онъ устроилъ на особомъ дворѣ нѣчто въ родѣ пріюта и больницы, гдѣ призрѣвались нищіе и калѣки. Онъ былъ человѣкъ твердой воли, дѣятельный и энергичный. Князья и бояре уважали его за святую жизнь и мудрость. Въ 1074 году преподобный Θεодосій скон-

чался и быть погребенъ въ пещерѣ, куда часто уединялся для молитвы.

Основанная Антоніемъ и Θεодосіемъ Кіево-Печерская лавра много принесла пользы русской землѣ. Изъ среды

Видъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ.

братіи этого монастыря вышло не мало епископовъ, проповѣдниковъ, иконописцевъ. Въ числѣ печерскихъ монаховъ былъ и преподобный Несторъ, первый русскій лѣтописецъ.

Княжна Евфросинія Полоцкая.

Въ княжествѣ полоцкомъ былъ княземъ Георгій, пра-
правнукъ Владимира Святого. У Георгія родилась дочь,

Евфросинія Полоцкая.

ее назвали Предславой. Рано
начали учить княжну грамотѣ;
къ 12 годамъ Предслава про-
шла всю тогдашнюю науку.
Священное писаніе стало ее
любимымъ чтеніемъ: читала она
о томъ, какъ жили въ древнія
времена благочестивыя женщи-
ны, какъ онѣ служили и по-
могали людямъ; читала она
слова Христа о томъ, какъ по-
могать ближнимъ, и страстно
захотѣлось ей поступать по
Его завету. И вотъ, молодень-
кую княжну можно было встрѣ-
тить вездѣ, гдѣ только были
несчастные люди: она ухажи-
вала за больными, доставала
одежду и пищу для бѣдняковъ,
посѣщала заключенныхъ и вы-
прашивала у отца свободу имъ.
Тихая, скромная, ласковая, точ-
но ясное солнышко, являлась
она вездѣ, гдѣ только могла
помочь людямъ. Подросла княж-
на, и стали ее сватать женихи.
Въ тѣ времена не спрашивали
дѣвушку, по сердцу ли ей
женихъ; просватали Пред-
славу за богатаго молодого

княжича. На рукобитіе затѣяли пиръ; рѣкою лилось
вино, лились веселыя пѣсни. А молодая княжна стояла
въ своей горенкѣ и молилась. Тяжело ей было выходить
замужъ за незнакомаго, нелюбимаго человека, не пѣ-

нядо ее и богатство. Она уже полюбила другую жизнь. ей дороги были всѣ тѣ несчастные люди, которымъ она помогала, которымъ она была нужна. И княжна рѣшилась уйти въ монастырь: не будетъ у нея своей семьи, ея семья будутъ всѣ люди. Тихо вышла княжна изъ терема. Была уже ночь; никто не замѣтилъ ее. Она быстро пошла къ монастырю и стала стучаться въ ворота. Удивились въ монастырѣ позднему приходу княжны; еще больше удивились, когда княжна сказала о своемъ желаніи постричься въ монахини. Игуменьей монастыря была тетка княжны. Долго уговаривала она молодую дѣвушку, но та была непреклонна. Послали за епископомъ и на зарѣ постригли юную княжну и нарекли ее Евфросиніей. Велико было горе родителей, когда они узнали о случившемся, но ничего уже нельзя было сдѣлать.

А княжна и въ монастырѣ не находила себѣ успокоенія. Монастырь былъ богатый; молодую монахиню всѣ баловали и холили. Не такой жизни хотѣлось Евфросиніи, и стала она проситься у игуменьи, чтобы ее отпустили жить одну при соборѣ св. Софіи. Здѣсь она нашла себѣ дѣло: днемъ она убирала церковь, привѣтливо встрѣчая всѣхъ входящихъ въ храмъ, читала; а ночью садилась за другую работу: списывала книги. Книгъ въ то время было очень мало: во многихъ церквахъ не было даже Евангелія, и молодая монахиня посылала свои книги въ самыя бѣдныя церкви. Стали давать ей заказы на книги; она брала за это деньги и тратила ихъ на нуждающихся. Со всѣхъ концовъ стали стекаться къ сестрѣ Евфросиніи больные, голодные, нищіе, калѣки: всѣ находили у нея ласковое слово, добрый совѣтъ и помощь. Стала она собирать у себя дѣтей и учить ихъ грамотѣ; въ то время школъ было очень мало; и не только народъ, но и бояре и князья не всегда умѣли читать. Такъ, въ постоянныхъ трудахъ проходилъ весь день молодой монахини. Столько народу стало приходить къ сестрѣ Евфросиніи, что бывало тѣсно во дворѣ собора; некуда было приютить больного, стараго, и вотъ епископъ придумалъ отдать Евфросиніи цѣлое село съ угодьями. Поправили въ селѣ старую церковь, и сестра Евфросинія переехала

на житье въ новое мѣсто, а слѣдомъ за нею — всѣ больные, калѣки, старики, одинокіе, нищіе. Въ это время Евфросинія работала уже не одна, у нея были помощницы; онѣ сообща стали устраиваться на новомъ мѣстѣ. Новая обитель разрасталась. Богатые люди дѣлали въ нее вклады, жертвовали деньги, вещи, землю; многія богатые дѣвушки и вдовы просились въ помощницы къ Евфросиніи и вмѣстѣ съ нею работали. А работы было немало: надо было учить дѣтей, лѣчить больныхъ, ухаживать за стариками, одѣлать одеждой и хлѣбомъ нищихъ, приискывать работу для тѣхъ, кто могъ работать; надо было переписывать книги. Всю свою долгую жизнь прожила въ такихъ трудахъ для людей сестра Евфросинія. Незадолго до смерти она собралась въ Святую Землю поклониться гробу Господню. Горько плакала вся обитель, разставаясь съ любимой настоятельницей, точно всѣ предчувствовали, что не увидятъ ее больше. И дѣйствительно, Евфросинія не вернулась на родину. Въ Іерусалимѣ она долго молилась у гроба Господня и поставила тамъ золотую кадильницу. За всю землю русскую, за всѣхъ несчастныхъ, за весь міръ молилась у гроба великая труженица. И вся жизнь ея и послѣдняя молитва ея была за людей — братьевъ. Тамъ же, въ далекой Палестинѣ, она умерла, не видавъ больше родины; тамъ же ее и похоронили.

Татарское нашествіе.

Какъ у отдѣльнаго человѣка можетъ быть сильное горе, которое не скоро забывается, иногда даже измѣняетъ характеръ человѣка, такъ и у цѣлыхъ народовъ бываютъ такія же тяжкія бѣдствія. Для русскаго народа такимъ бѣдствіемъ было нашествіе татаръ въ XIII вѣкѣ.

Въ то время, какъ русскіе князья враждовали между собой изъ-за наслѣдственныхъ земель, въ среднеазиатскихъ степяхъ появился сильный кочевой народъ — татары. Китайскій историкъ говоритъ о нихъ: „Татары рождаются и вырастаютъ на конѣ; они сами собой научаются сражаться, потому что вся жизнь ихъ проводится

на охотѣ. Они съ дѣтства упражняются въ верховой ѣздѣ и стрѣляніи изъ лука и пріобрѣтаютъ, такимъ образомъ, мужество, необходимое для грабежа и войны; начиная отъ князя до послѣдняго простолюдина, всѣ питаются мясомъ убитыхъ животныхъ, одѣваются въ ихъ шкуры и мѣха“.

Въ концѣ XII вѣка, среди этого грубаго кочевого народа появился жестокій и властолюбивый ханъ Темучинъ. По преданію, онъ говорилъ такъ: „Одно на небѣ солнце, одинъ и царь долженъ быть на землѣ“. Темучинъ покорилъ себѣ всѣ мелкія татарскія орды и провозгласилъ себя Чингисъ-ханомъ, т. е. великимъ ханомъ; затѣмъ онъ двинулъ свои полчища для завоеванія сосѣднихъ земель. Татары пришли на Кавказъ, а оттуда проникли въ половецкія степи. Испугались половецкіе ханы новыхъ невѣдомыхъ враговъ, стали просить защиты у русскаго князя Мстислава Удалого. „Помогите намъ, — говорили половцы, — а не то придутъ они къ вамъ и сдѣлаютъ съ вами то же“. Князь разослалъ гонцовъ съ этой тревожной вѣстью по сосѣднимъ княжествамъ. Въ Кіевѣ съѣхались на совѣтъ три южнорусскихъ князя. Тогда татары прислали къ нимъ пословъ, говоря, что пришли не на нихъ и воевать съ ними не собираются. Князья убили пословъ и рѣшили помогать половцамъ. Мстиславъ Удалой, князь кіевскій и князь черниговскій двинулись навстрѣчу врагамъ. Скоро показался передовой отрядъ татаръ; Мстиславъ Удалой напалъ на него и разбилъ. Но русскіе князья не знали, что это была только уловка татаръ: высылая впередъ маленькіе отряды, татары старались этимъ завлечь непріятеля къ своему главному полчищу; тогда, разсыпаясь по всѣмъ направленіямъ, они окружали врага и безъ пощады убивали всѣхъ.

Послѣ побѣды Мстислава русскія рати шли впередъ еще нѣсколько дней, приблизились къ рѣкѣ Калкѣ и снова завидѣли татаръ. Мстиславъ Удалой, ободренный своей первой удачей, рѣшилъ не ждать кіевского князя и двинулся на татаръ. Но теперь у татаръ были уже не тѣ силы, что въ первый разъ; быстро разгромили они

половцевъ; тѣ бросились бѣжать, разстроили русскіе ряды; татары окружили русскихъ и разбили ихъ. Кіевскій князь видѣлъ гибель войска Мстислава, но не двинулся ему на помощь; скоро татары подступили и къ нему, обманомъ заставили сдаться, перебили всѣхъ воиновъ, а князей связали, бросили на нихъ доски и сѣли пировать на этихъ доскахъ. Битва на Калкѣ была въ 1224 году. „Были вопли, и стоны, и печаль по всѣмъ городамъ и волостямъ, — говоритъ лѣтописецъ, — „откуда пришли на насъ татары, куда дѣлись потомъ — только Богъ про то вѣдаетъ“.

Татары, между тѣмъ, вернувшись къ себѣ, не забыли привольныхъ южнорусскихъ степей; замѣтили они и раздоры князей, которые не были имъ страшны каждый порознь. Въ 1237 году громадная 300-тысячная орда, подъ начальствомъ Батые, двинулась на Россію. Первымъ пострадало рязанское княжество. Узнавъ объ опасности, рязанцы послали просить помощи у владимирскаго князя Юрія; но не захотѣлъ Юрій помочь рязанцамъ, и татары безъ труда завоевали Рязань. За Рязанью взята была Москва, затѣмъ Суздаль. Къ городу Владимиру, окруженному стѣнами, татары подступили со своими стѣнобитными машинами, разрушили стѣны, ворвались въ городъ, перерѣзали жителей вмѣстѣ съ епископомъ и семействомъ великаго князя. Потомъ они двинулись къ рѣкѣ Сити, гдѣ встрѣтили самого князя, который еще только собиралъ войско; татары разбили его. Затѣмъ одни направились въ приволжскія степи, другіе двинулись къ Новгороду; часть продолжала двигаться на юго-западъ.

До Новгорода татары не дошли: болотистая лѣсистая мѣстность мѣшала ихъ движенію; скоро они повернули на югъ. Быстро брали татары городъ за городомъ. Сильное сопротивленіе они встрѣтили только при осадѣ Козельска; семь недѣль держался противъ нихъ этотъ городъ; но что могла значить геройская защита горсти людей передъ огромнымъ татарскимъ войскомъ. Татары называли Козельскъ злымъ городомъ; они перерѣзали всѣхъ его жителей; юный князь козельскій, говорятъ, утонулъ въ крови.

Отъ Козельска Батый двинулся въ половецкія степи, разогналъ половецкихъ хановъ въ сосѣднія земли, затѣмъ покорилъ южнорусскія княжества, переяславское и черниговское, и въ 1240 году появился подъ стѣнами Кіева. Величественная красота этого древняго города, говорятъ, изумила хана: онъ отправилъ къ кіевлянамъ пословъ, съ предложеніемъ сдать городъ безъ сопротивленія; въ отвѣтъ на это кіевляне умертвили пословъ. Подойдя къ кіевскимъ стѣнамъ, татары начали бить ихъ стѣнобитными машинами; стѣны не выдержали; татары ворвались въ городъ; началась беспощадная рѣзня; Кіевъ былъ разрушенъ.

Татары двинулись дальше на западъ. Западные государи, напуганные слухами о непобѣдимости татаръ, не оказали имъ сначала сопротивленія, и татары безпрепятственно прошли Венгрію; но здѣсь они встрѣтили укрѣпленные города, обученныя постоянныя войска. При первомъ же сопротивленіи чешскихъ войскъ татары были разбиты и поспѣшили вернуться въ завоеванную ими Русь.

Татарская неволя.

Печальна была картина Руси послѣ опустошительнаго нашествія татаръ. Многіе города и села были выжжены, разорены; на мѣстѣ ихъ торчали только обгорѣлые столбы, да виднѣлись груды песку и пеплу; нивы были вытоптаны, уничтожены. Жители разбѣжались во все стороны: кто ушелъ въ лѣса, кто въ привольныя степи; болѣе богатые скрылись въ монастыри. Запустѣла земля русская. Многіе князья положили свои головы въ бою, многіе были взяты въ плѣнъ.

Батый утвердился на устьѣ Волги въ Золотой Ордѣ, построилъ себѣ тамъ столицу Сарай и послалъ князьямъ приказъ ѣхать къ нему на поклонъ. Тяжело было князьямъ унижаться передъ татарами. Князь Михаилъ Черниговскій даже принялъ смерть въ ордѣ. Если кто хотѣлъ попрежнему править въ своемъ княжествѣ, тотъ

долженъ былъ всячески угождать хану и только тогда получать ярлыкъ (грамоту) на княженіе.

Трудно было русскому народу платить татарамъ дань: земля была разорена, бѣдна, а татары собирали дань безжалостно. Обыкновенно для этого посылался татарскій баскакъ; на помощь ему долженъ былъ являться князь съ отрядомъ. Баскаки ходили изъ города въ городъ, изъ села въ село, у всѣхъ отсчитывая и отбирая десятую часть имущества. Иногда они уводили молодыхъ людей, годныхъ для работы, женщинъ, дѣтей, чтобы продать ихъ. По смерти Батые ханы стали отдавать дань на откупъ бесерменскимъ восточнымъ купцамъ (отсюда названіе татаръ басурманами). Откупщики эти брали вдвое, втрое больше, чѣмъ слѣдовало, отбирали у бѣдныхъ послѣдніе пожитки, уводили въ неволю. Тогда князья выхлопотали себѣ у хана позволеніе самимъ брать дань на откупъ. Свободнѣе вздохнулъ тогда русскій народъ.

Въ это тяжелое время защитниками Руси являлись князья и митрополиты. Изъ князей никто не умѣлъ такъ ладить съ татарами, какъ новгородскій князь Александръ Невскій, Онъ понималъ, что лучше всего не раздражать хановъ и показывать имъ безусловную покорность. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко отличался отъ южныхъ князей. Александръ Невскій не только поѣхалъ по первому зову на поклонъ Батю, но даже отправился въ трудный и опасный путь въ Азію поклониться великому хану. Вообще Александръ Невскій часто ѣздилъ въ Орду съ богатыми подарками, одаривалъ хана и его приближенныхъ; ему приходилось унижаться передъ ними, чтобы только не разгнѣвать хана. Князь скоро понравился хану и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Онъ даже приобрѣлъ нѣкоторое вліяніе на хана, умѣлъ усмирять его гнѣвъ. Когда на русскихъ наложили поголовную дань, новгородцы взбунтовались. Александръ Невскій, зная, что татары жестоко отомстятъ за возстаніе, принудилъ новгородцевъ исполнить ханскую волю; въпослѣдствіи онъ выхлопоталъ позволеніе самому собирать дань съ Новгорода. Черезъ два года

во Владимирѣ, Суздалѣ и Ростовѣ вспыхнулъ мятежъ. Народъ бросился на откупщиковъ, перебилъ ихъ и прогналъ татарскую стражу. Не миновать бы русскимъ страшнаго погрома, если бы не Александръ Невскій. Онъ поспѣшилъ въ Орду съ богатыми дарами и успѣлъ умиловить хана. На обратномъ пути Александръ Невскій умеръ. Вся Русь оплакивала любимаго князя. Извѣстіе объ этомъ пришло, когда митрополитъ служилъ обѣдню; онъ обратился къ народу и сказалъ: „Дѣти мои милыя, закатилось солнце земли русской“. Бояре и народъ отвѣчали однимъ восклицаніемъ: „Погибаемъ!“

Не мало защищали Русь передъ татарами и митрополиты. Митрополитъ Алексѣй даже ѣздилъ въ Орду умиловать хана, когда тотъ грозилъ разорить страну. Впрочемъ, къ духовенству и православной вѣрѣ татары относились снисходительно, такъ какъ ихъ законъ предписывалъ уважать чужую религію. Русскіе могли свободно совершать богослуженіе; духовенство и монастыри даже не платили дани.

Болѣе двухъ вѣковъ продолжалось татарское иго. Первое время оно было очень тяжело; потомъ, благодаря стараніямъ князей и междоусобіямъ въ Ордѣ, стало легче. Но послѣдствія ига были для русской земли очень печальны: ростъ просвѣщенія былъ задержанъ. До татарскаго нашествія русскіе сносились съ Византіей и Западною Европой, могли заимствовать отъ нихъ просвѣщеніе; теперь же эти сношенія ослабли, да русскимъ и некогда было думать о нихъ. Народъ одичалъ, огрубѣлъ. Постоянный страхъ, какъ бы не разгнѣвать хана и выплатить тяжелую дань, развилъ въ немъ приниженность. Сильный притѣснялъ слабого, слабый лѣстилъ сильному, унижался передъ нимъ. Долго Россія не могла забыть татаръ; и теперь еще сохранились пѣсни, въ которыхъ русскій народъ оплакивалъ свои потери и свое тяжелое подневольное житье подъ татарскимъ игомъ.

Даніилъ галицкій и судьба Галицкой Руси.

Въ сосѣднемъ съ нами государствѣ Австріи, по склонамъ и отрогамъ Карпатскихъ горъ, лежитъ страна, называемая Галиціей. Страна эта населена малороссами: сами же себя галичане называютъ русинами. Галиція, или, какъ она еще называлась, Червонная Русь, издавна считалась однимъ изъ лучшихъ удѣловъ древней Руси: она была обильна лѣсомъ, хорошо орошена, отличалась плодородіемъ; изъ земли ея добывали соль. Находясь по сосѣдству съ западными государствами, Червонная Русь съ давнихъ поръ вела съ ними торговлю. Сношенія съ образованными странами, какими были тогда Польша, Венгрія, нѣмецкія земли, имѣли важное значеніе для Галиціи: населеніе ея многому училось у сосѣдей, становилось развитѣе, лучше устраивало свою жизнь; страна богатѣла.

Къ счастью, земля галицкая мало страдала отъ княжескихъ усобицъ: семья галицкихъ князей была немногочисленна, и Галиція почти не дробилась на мелкіе удѣлы; въ ней обыкновенно княжилъ одинъ князь. Почти не было въ Червонной Руси княжескихъ смутъ, но были другія смуты — боярскія: князьямъ пришлось выдержать упорную борьбу съ сильнымъ галицкимъ боярствомъ: нигдѣ бояре не имѣли такой власти, какъ въ княжествѣ галицкомъ; здѣсь они были очень богаты, владѣли большими землями, не только хотѣли жить независимо отъ князя, но стремились еще править вмѣстѣ съ нимъ княжествомъ. Да они считали это и своимъ правомъ: вѣдь они помогли князьямъ устранить младшихъ родичей, соединить всѣ галицкія земли въ одно княжество, они были и единственными помощниками князя: не младшіе князья, какъ въ другихъ русскихъ земляхъ, а они были и начальниками надъ княжеской ратью, и намѣстниками въ городахъ. Случалось, что бояре и въ семейныя дѣла князя вмѣшивались: судили — ридили объ его семьѣ и заставляли его жить, какъ имъ хочется. Зато и князья вели съ ними постоянную борьбу

и, взявъ верхъ, жестоко наказывали ихъ за ослушаніе и смуты.

Въ концѣ XII вѣка Галиціей завладѣлъ волынской князь Романъ. Рѣшительный и суровый, онъ сумѣлъ подчинить себѣ бояръ. Кто изъ непокорныхъ не успѣлъ бѣжать, тѣхъ князь безпощадно казнилъ; не было у него жалости; любимой его поговоркой было: „Не предавивши пчелъ, и меду не ѣсть“. Бояре смирились; никто уже не смѣлъ вмѣшиваться въ княжескія дѣла. Романъ и сосѣдей своихъ держалъ въ страхѣ. Жить онъ недолго: скоро онъ былъ убитъ въ битвѣ съ поляками. Послѣ него осталась молодая княгиня съ двумя дѣтьми: Даниломъ четырехъ и Василькомъ двухъ лѣтъ. Снова въ Галиціи начались безпорядки: бояре все еще были сильны. Много горя натерпѣлась отъ нихъ княгиня: пришлось ей бѣжать въ Волынь, но и тамъ бояре не оставили ее въ покоѣ; когда она пріютилась во Владимірѣ-Волынскомъ, они послали туда такое грозное посланіе, что княгиня ночью тайкомъ бѣжала съ кормилицей, двумя дѣтьми и однимъ бояриномъ черезъ проломъ въ городской стѣнѣ; пѣшкомъ добрались они кое-какъ до Польши. Польскій король послалъ ихъ съ письмомъ къ королю венгерскому, у котораго они и нашли себѣ пріютъ. Данилъ много горя видѣлъ въ дѣтствѣ: бояре то сажали его на престолъ галицкій и разлучали съ матерью, то изгоняли, и бѣдная семья должна была опять скитаться по чужимъ землямъ, то опять призывали его, но не давали распоряжаться дѣлами, а управляли сами наперекоръ его волѣ. Но у Данила отъ природы былъ сильный характеръ, а тревожное дѣтство, полное опасностей, сдѣлало его еще сильнѣе, еще смѣлѣе; раннія невзгоды не ожесточили его, и Данилъ на всю жизнь остался добрымъ и справедливымъ.

Возмужавъ, онъ крѣпко сѣлъ на галицкомъ престолѣ; тутъ ужъ боярамъ пришлось смириться; съ тѣхъ поръ до самой своей смерти онъ держалъ ихъ въ подчиненіи. Брату своему Васильку Данилъ отдалъ Волынь и жилъ съ нимъ дружно, дѣля съ нимъ все радости и горе-

сти. Такое согласіе между братьями рѣдко встрѣчалось въ ту пору на Руси.

Но скоро Галицію вмѣстѣ со всѣми русскими землями постигло великое горе: появились татары. Они разгромили и сожгли Кіевъ, а потомъ добрались и до Червонной Руси. Стали они разорять одинъ за другимъ богатые города галицкіе, и пошелъ плачъ и стонъ по всей землѣ. Ушли татары. Города стояли пустые и погорѣвшіе, нивы были выжжены, жители разбѣжались. Но Даниилъ не унывалъ: онъ неутомимо принялся за постройки: поправлялъ разрушенные города, строилъ новые; отовсюду созывалъ жителей, а къ нему шли охотно, такъ какъ правилъ онъ умно и справедливо. При немъ въ Галиціи поселилось много иностранцевъ: нѣмцевъ, поляковъ, армянъ, евреевъ; они оживили торговлю; стала быстрѣе развиваться и промышленность. Столицу свою Даниилъ перенесъ въ Холмъ. Въ старой столицѣ Галичѣ еще сильно держалась память о прежней боярской власти; умный князь понималъ, что лучше ему жить въ новомъ мѣстѣ, окруживъ себя вѣрной дружиной. Къ тому же Холмъ былъ хорошо укрѣпленъ, и въ него охотно шли поселенцы. Много нужно было ума и настойчивости, чтобы въ нѣсколько лѣтъ сдѣлать опустошенную Галицію вновь богатой и счастливой страной. Мирно потекла жизнь въ княжествѣ галицкомъ. Даниилъ въ это время былъ уже такъ силенъ, что заправлялъ въ южной Руси всѣми дѣлами; всѣ остальные князья его слушались. Храбрый и рѣшительный, онъ держалъ въ повиновеніи и безпокойныхъ сосѣдей-поляковъ, и венгровъ. Это было ему нетрудно: иностранные государи цѣнили его умъ и образованность, боялись его отваги и настойчивости и охотно дружили съ нимъ; со многими изъ нихъ онъ поддерживалъ постоянныя сношенія, а съ иными былъ даже въ родствѣ.

Татары прослышали, что тамъ въ далекомъ благословенномъ уголкѣ есть князь, который и дани не платитъ, и хана не уважаетъ, да еще хочетъ поднять по всей Европѣ походъ на невѣрныхъ. Пріѣхалъ въ Галицію грозный ханскій посолъ и безъ всякихъ разъясненій

прямо объявилъ князю отъ имени Батая: „Отдай Галич!“ — „Не отдамъ полотчины моей, — отвѣчалъ Данилъ: — лучше поѣду самъ къ Батю“. Однако, татары, несмотря на жестокость, умѣли цѣнить храбрость и благородство. Батый встрѣтилъ Данила милостиво, не то, что другихъ русскихъ князей, онъ сказалъ только: „Данило, что долго не приходилъ? Хорошо, что пришелъ! Пьешь ли наше питье, кумысъ?“ — „До сихъ поръ не пилъ, — отвѣчалъ князь, — а велишь, такъ выпью“. Только объ этомъ и спросилъ ханъ, а потомъ послалъ его на поклонъ къ ханшѣ и даже прислалъ ему вина, разрѣшивъ не пить кумыса. Скоро ханъ милостиво отпустилъ Данила, оставивъ за нимъ всѣ его земли. Данилъ обязался только платить хану дань, однако, получилъ право собирать ее самъ. И онъ, и родичи его были освобождены отъ поѣздокъ въ Орду на поклонъ хану; они не должны были брать и ярлыковъ на княженіе.

Но и такая зависимость тяжела была гордому князю; не могъ онъ мириться съ униженіемъ. Мысль сбросить татарское иго никогда его не покидала; и чѣмъ больше богатѣла его земля, чѣмъ больше росла его слава, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе загоралось въ немъ желаніе избавиться отъ татарской неволи. Данилъ обратился въ Римъ. Папа обѣщалъ ему помощь и прислалъ ему королевскій вѣнецъ; Данилъ короновался имъ. Сталъ онъ укрѣплять свои города, готовясь къ борьбѣ съ татарами; сталъ собирать войско. Наконецъ, рѣшилъ послать свою рать противъ татаръ. Напервое время дѣло пошло успѣшно: русскіе отняли у татаръ нѣсколько городовъ. Но борьба продолжалась недолго: помощи ни откуда не было; татары взяли верхъ и заставили Данила разрушить самому свои укрѣпленія. Тяжело было князю покориться татарамъ, такъ тяжело, что онъ почти пересталъ заниматься дѣлами, быстро одряхлѣлъ и скоро умеръ. Жизнь его, полная трудовъ и тревогъ, порвалась, когда у него не стало больше надежды освободиться отъ татаръ; безъ этой надежды не могъ жить Данилъ.

Галиція осталась послѣ Данила обширнымъ, густо населеннымъ, богатымъ королевствомъ. Но скоро нача-

лись въ ней безпорядки и смуты; стала земля галицкая дробиться; стали тѣснить ее и внѣшніе враги. Черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Даниила не стало ужъ и помину о прежнемъ независимомъ королевствѣ. Вольнью завладѣли литовцы; Галиція досталась полякамъ. Въ настоящее время эта древне-русская земля входитъ въ составъ австро-венгерскаго государства.

Начало и возвышеніе Москвы.

Уже съ одиннадцатаго вѣка Русь стала дробиться на отдѣльныя княжества — удѣлы. Съ теченіемъ времени княжескій родъ размножался все больше и больше; число удѣловъ съ каждымъ годомъ все увеличивалось. вмѣстѣ съ тѣмъ становились чаще и княжескія смуты. Въ прежнее время былъ одинъ главный городъ: сначала Кіевъ, потомъ Владимиръ; для пріобрѣтенія его князья ничего не жалѣли. Позже русская земля распалась на нѣсколько отдѣльных земель, напримѣръ, кievская, суздальская, сѣверская. Въ каждой землѣ былъ свой главный городъ; младшіе князья добивались его, какъ прежде Кіева. Разъединеніе Россіи было полное. Правда, одинъ изъ князей назывался великимъ, но на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ никакой власти надъ остальными князьями. Съ половины тринадцатаго вѣка русская земля находилась подъ властью татаръ. Многое отъ нихъ зависѣло на Руси; они ставили и великаго князя. Кто изъ князей находился въ милости у татарскаго хана, тотъ и бралъ верхъ. А милость ханскую приходилось заслуживать хитростью, угодливостью да подарками. Прежде въ борьбѣ князья полагались только на свою дружину; самый удалой князь бралъ верхъ. Теперь побѣждалъ тотъ, кто былъ въ милости у хана. Самый робкій князь могъ привести татаръ на русскую землю; а противъ нихъ не устоять было небольшой княжеской дружинѣ. Такимъ образомъ, самыми сильными были самые хитрые, осторожные и расчетливые князья. Такими оказались князья московскіе; они-то и подчинили себѣ понемногу все русскія земли.

Первый разъ лѣтописецъ упоминаетъ о Москвѣ въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка. На мѣстѣ ея было имѣніе боярина Кучки. Князь казнилъ его за какую-то вину. Мѣсто на берегу рѣки Москвы понравилось князю. Онъ основалъ здѣсь городокъ, который по имени рѣки былъ названъ Москвой. Уже первые московскіе князья стали увеличивать свой маленькій удѣлъ: гдѣ силой, гдѣ деньгами пріобрѣтали они земли.

Значительно же усилилось московское княжество въ XIV столѣтіи при Иванѣ Калитѣ. Это былъ умный и хитрый князь. Онъ часто ѣздилъ въ орду, дарилъ хану богатые подарки, всячески угождалъ ему; зато ханъ былъ къ нему милостивъ и сдѣлалъ его великимъ княземъ.

Ханъ позволилъ Калитѣ самому собирать дань съ своего княжества и привозить ее въ орду. Татары перестали называть въ московскую землю, и въ ней наступилъ миръ. Этому способствовало и самое положеніе Москвы: она лежала въ срединѣ русской земли, такъ

что сосѣды-чужеземцы никогда не тревожили ее своими нападеніями. Калита строго поддерживалъ порядокъ въ своей землѣ, беспощадно казнилъ воровъ и разбойниковъ. Стала московская область заселяться: въ нее охотно шель и рабочій людъ, и торговцы, и бояре. И начало московское княжество богатѣть; стали развиваться въ немъ и промыслы, и торговля. Богатѣлъ и князь: доходы его увеличивались, да и сборъ дани, который скоро былъ ему порученъ со всей русской земли, былъ для него выгоденъ: онъ не все отдавалъ хану, а часть оставлялъ себѣ. Вообще, онъ былъ очень бережливъ, даже скупъ, почему и получилъ прозвище Калиты. Калита значитъ мѣшокъ съ деньгами. Правда

Иванъ Калита.

Ивану нужно было много денегъ: не мало уходило ихъ на поддержаніе ханской милости; много тратилъ князь и на покупку земель; мелкіе князья охотно продавали ему свои удѣлы, а Калита никогда не пропускалъ случая увеличить свое княжество.

Скоро Иванъ Калита сталъ настолько силенъ, что ему уже не трудно было подчинить себѣ другихъ князей. Все время велъ онъ съ ними борьбу, но дѣйствовалъ не открыто, а хитростью да помощью ханскою. Такимъ путемъ взялъ онъ верхъ и надъ самымъ сильнымъ тогда тверскимъ княжествомъ. Калита воспользовался тѣмъ, что тверитяне взбунтовались противъ татаръ, бывшихъ въ городѣ, и избили ихъ. Онъ явился въ орду и предложилъ хану усмирить Тверь. Ханъ далъ ему большое войско, которое разорило и тверскую, и другія русскія земли; только московское княжество осталось нетронутымъ. Князь тверской бѣжалъ въ Псковъ. Псковичи не хотѣли его выдавать. Иванъ не рѣшился итти войной на Псковъ, а уговорилъ митрополита отлучить отъ церкви всѣхъ псковичей. Поневолѣ пришлось имъ подчиниться. Черезъ нѣсколько лѣтъ ханъ простилъ тверского князя. Но Калита рѣшилъ погубить его: онъ поѣхалъ въ орду и такъ оговорилъ своего врага передъ ханомъ, что ханъ вызвалъ его къ себѣ и приказалъ убить вмѣстѣ съ сыномъ. Когда Иванъ покончилъ съ Тверью, то другія области, менѣе сильныя, уже не могли противиться ему: въ иныхъ онъ распоряжался по своей волѣ, съ иныхъ бралъ дань.

До тѣхъ поръ митрополиты жили во Владимирѣ. Митрополитъ Петръ очень любилъ Калиту и почти все время жилъ въ Москвѣ; а преемникъ его и совсѣмъ переселился въ Москву. Это было очень важно. Митрополитъ былъ одинъ на всю русскую землю. Городъ, въ которомъ онъ жилъ, становился какъ бы столицей. Сюда по церковнымъ дѣламъ сходились люди со всей Руси. Кромѣ того, живи въ Москвѣ, митрополиты, конечно, дѣйствовали въ пользу московскихъ князей. Большую поддержку оказывали Москвѣ и бояре; они охотно переходили въ богатую московскую землю, получали отъ

князей помѣстья и за это отправляли воинскую повинность, а въ мирное время были ихъ вѣрными совѣтниками.

Такъ-то сталъ Калита полнымъ хозяиномъ на сѣверѣ; уже ни одно княжество не могло бороться съ нимъ, и стали разрозненные русскія области собираться около Москвы. Не даромъ Ивана Калиту прозвали „собирателемъ русской земли“.

Преемники Калиты во всемъ слѣдовали ему. Подобно ему, они всячески ублажали хановъ и ловко пользовались ихъ милостью; обманутые ихъ хитростью, ханы во всемъ поддерживали ихъ и, такимъ образомъ, сами готовили себѣ въ ихъ лицѣ гибель. Московскіе князья все время удерживали въ своихъ рукахъ великокняжескую власть. Помогало этому усилению и то, что московскіе князья имѣли мало сыновей и старались не дробить между ними своихъ земель. Окончательное объединеніе русской земли подъ властью Москвы произошло въ концѣ пятнадцатаго вѣка при Иванѣ третьемъ.

Хоть много зла приносили московскіе князья своимъ соперникамъ, хоть рѣдко дѣйствовали они открыто, а все болѣе пускали въ ходъ хитрость да обманъ; но все-таки дѣятельность ихъ оказалась выгодна: они создали сильную московскую землю, которая освободила русскій народъ отъ татарскаго ига и объединила Русь въ одно сильное государство.

Куликовская битва и уничтоженіе татарскаго ига.

При внукѣ Ивана Калиты Дмитріи Москва была уже такъ сильна, что задумала подняться на татаръ. Князь Дмитрій видѣлъ, что русскій народъ оправился отъ прежнихъ погромовъ. Да и орда татарская къ этому времени ослабѣла, потому что у татаръ завелись усобицы; имя татарское уже не наводило на всѣхъ прежняго ужаса. Князь пересталъ платить татарамъ такую дань, какую прежде платили московскіе князья. Пограничныя съ ордой области встрѣчали татаръ безъ страха, иногда даже разбивали ихъ.

Во второй половинѣ XIV вѣка смуты у татаръ прекратились; надъ всей ордой воцарился ханъ Мамай. Увидѣлъ онъ, что русскіе князья выходятъ изъ повиновенія, и послалъ на Дмитрія войско. Дмитрій разбилъ его. Мамай пришелъ въ ярость и ополчилъ на московскаго князя всю свою орду. „Пойдемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, какъ было при Батые, — говорилъ Мамай: — церкви попалимъ, христіанъ избьемъ и законы ихъ уничтожимъ“.

Дмитрій разослалъ гонцовъ по всеѣмъ областямъ, призывалъ князей и всеѣхъ людей русскихъ собираться на войну. Вся сѣверная Русь встрепенулась. Воины тысячами шли къ Москвѣ. У всеѣхъ ожила надежда на освобожденіе отъ татаръ. Пока готовилась рать, Дмитрій поѣхалъ къ Троицѣ помолиться и испросить благословеніе у игумена Сергія Радонежскаго. Сергій сердечно принялъ князя и, для того, чтобы вдохнуть въ него мужество, далъ ему двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослабу; они были раньше ратниками и слыли богатырями. Принявъ благословеніе Сергія, Дмитрій уѣхалъ изъ обители ободренный, съ надеждой на побѣду.

8-го сентября 1380 года произошла знаменитая битва на Куликовомъ полѣ. Вотъ какъ описываетъ ее лѣтописецъ. Русское войско подошло къ рѣкѣ Дону. Прибѣжали гонцы съ развѣтомъ и сказали, что Мамай уже на Дону, а силы у него столько, что перечестъ нельзя. Ночью русскіе перешли Донъ. Дмитрій отправилъ лучшую часть войска въ засаду за лѣсъ, отдавъ его подъ начальство своему двоюродному брату Владимиру. Остальное войско стало на Куликовскомъ полѣ и приготовилось къ бою. Великій князь съ высокаго холма любовался своимъ воинствомъ; но тяжело стало у него на душѣ, когда онъ подумалъ, что многое множество его воиновъ сложить свои головы на этомъ полѣ. Въ шестомъ часу утра русскіе увидѣли Мамаевы полчища. Словно туча, двигались они, сходя съ холма. Мамай остался на холмѣ, чтобы наблюдать за битвой. Вотъ изъ татарскаго войска выѣхалъ богатырь, сталъ громко

похваляться своею удалю и вызывать на бой противника. Изъ русскаго войска выступилъ Пересвѣтъ, вскочилъ на коня и во всю прыть понесся на татарина. На

Благословеніе Дмитрія пр. Сергіемъ.

всемъ скаку налетѣли богатыри другъ на друга и разомъ ударили въ копья. Кони отъ сильнаго удара приеѣли на ноги, а богатыри свалились наземь оба мертвые.

Начался общій бой. На протяженіи десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались. Въ одномъ мѣстѣ русскіе тѣснили татаръ, въ другомъ татары — русскихъ. Татары стали было одолѣвать. Но некоторые русскіе не выдержали напора и побѣжали. Въ это время изъ лѣсу выступилъ Владимиръ и съ громкимъ крикомъ ударилъ на враговъ. Татары были уже сильно утомлены; они не могли противиться свѣжему войску, въ

Поединокъ Пересѣта съ татарскимъ богатыремъ.

ужасъ стали кидать оружіе и побѣжали. Мамай съ холма увидалъ бѣгство своихъ войскъ. Гнѣвъ и тоска терзали его сердце, но нечего было дѣлать, пришлось и ему бѣжать велѣдъ за другими. Побѣдители далеко гнали татаръ и страшно избивали ихъ. Богатая добыча досталась русскимъ. Побѣда была великая. Дмитрія прозвали за нее Донскимъ, а Владимира Храбрымъ. Но и сколько воиновъ стоила эта побѣда! Ужасно было послѣ битвы Куликово поле! Было оно устлано убитыми, ранеными и умирающими. Казалось все оно тяжело сто-

нало. Восемь дней русскіе хоронили тѣла своихъ убитыхъ.

Хотя Куликовская битва или, какъ ее еще называютъ, Мамаево побоище, и не освободила Русь, все же русскіе увидали, что они въ силахъ бороться съ татарами. Но пока орда все еще была сильна и многочисленна. Черезъ два года послѣ пораженія Мамаю, ханъ Тохтамышъ пошелъ войной на Москву, взять ее обманомъ, разорить и поджогъ. Русь стала снова платить дань татарамъ.

Послѣ Куликовской битвы татарское иго продолжалось еще 100 лѣтъ. За это время не мало бѣды причинили русскимъ нападенія татаръ, было и два большихъ погрома; въ одинъ изъ нихъ татары опять дошли до Москвы, хотя на этотъ разъ не могли ее взять. Но все-таки самыя тяжелыя времена татарскаго ига уже миновали. Московскіе князья перестали ѣздить въ орду, да и пословъ туда отправляли рѣдко, не то что прежде; ханскіе послы уже не пользовались прежнимъ почетомъ въ Москвѣ; хотя князья и дѣлали большіе подарки ханамъ, но это уже не было настоящей данью.

Окончательно же Русь освободилась отъ татаръ при правнукѣ Дмитрія Донскаго Иванѣ III. Это былъ мудрый правитель. Отъ отца ему досталась въ наслѣдіе область большая и сильная. Онъ и еще увеличилъ ее: присоединилъ къ Москвѣ большіе удѣлы, Новгородъ и Тверь. Немногіе удѣльные князья, какіе еще оставались, были ему во всемъ покорны. А орда въ это время была уже совсѣмъ слаба. Это произошло оттого, что она распалась на три орды: Золотую, Крымскую и Казанскую, которыя постоянно враждовали между собой. Ханъ Золотой орды Ахматъ, бывшій въ союзѣ съ литовцами, рѣшилъ итти на Русь. Князь сталъ дѣятельно готовиться къ встрѣчѣ съ татарами. Союзникъ его крымскій ханъ обѣщалъ ему помогать. Большая русская рать расположилась по рѣкамъ Окѣ и Угрѣ. Но и татаръ было много; они стали на другомъ берегу Угры. Ожидалась большая битва, наподобіе Куликовской. Но Иванъ былъ князь осторожный и нерѣшительный. Онъ

не осмѣливался вступить въ бой. Въ то время, какъ всѣ ждали битвы, онъ вдругъ бросилъ рать и пріѣхалъ въ Москву. Здѣсь многіе были недовольны нерѣшительностью князя. Митрополитъ уговорилъ его вернуться къ войску. Князь Иванъ все-таки не рѣшился на битву; онъ завелъ съ татарами переговоры о мирѣ; но переговоры ни къ чему не привели: и татары были слишкомъ требовательны, да и митрополитъ прислалъ князю посланіе, въ которомъ укорялъ его за сношенія съ татарами. Князь продолжалъ стоять въ нерѣшительности. А рѣка Угра покрылась льдомъ; татары легко могли перейти ее; Иванъ велѣлъ своимъ полкамъ отступать. Но и татары повернули домой—слишкомъ они страдали отъ холода, да и союзники ихъ, литовцы, не приходили. Такъ, не проливъ ни одной капли крови, Русь освободилась отъ долгой неволи. Произошло это въ 1480 году. Черезъ 20 лѣтъ Золотая орда была окончательно разгромлена русскимъ союзникомъ, крымскимъ ханомъ. Такъ кончилось татарское иго, продолжавшееся безъ малаго 250 лѣтъ.

Святой Сергій и основаніе Троицко-Сергіевской лавры.

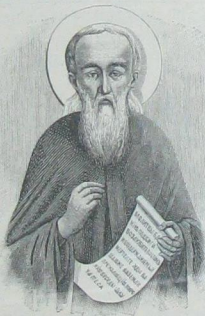
Одинъ изъ самыхъ большихъ и почитаемыхъ монастырей на Руси—Троицко-Сергіевская лавра. Стоитъ онъ уже давно, болѣе 500 лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ выстроилъ себѣ келью святой Сергій Радонежскій. Какъ прежде собирался туда народъ со всѣхъ концовъ Россіи посмотреть и послушать святого подвижника, такъ и теперь стекается туда на поклоненіе множество богомольцевъ.

Св. Сергій былъ родомъ изъ знатной боярской семьи. До принятія монашескаго сана его звали Варооломеемъ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ ребенокъ пересталъ участвовать въ играхъ своихъ товарищей и удалялся отъ нихъ, чтобы на свободѣ читать священныя книги; онъ старался воздерживаться отъ мясной пищи и строго соблюдалъ постъ. Когда Варооломею исполнилось 20 лѣтъ, онъ задумалъ уйти въ монастырь; но родители его были

стары и больны; старшіе сыновья не хотѣли поддерживать ихъ; кроткій Варѣоломей не рѣшился бросить стариковъ и жилъ съ ними до самой ихъ смерти. Похоронивъ родителей, онъ могъ, наконецъ, исполнить свое завѣтное желаніе — удалиться отъ міра.

Въ то время монастыри часто строились вблизи городовъ и селъ, и монахамъ постоянно приходилось имѣть дѣло съ мірянами. А Варѣоломею хотѣлось поселиться въ пустынѣ. Онъ уговорилъ своего старшаго брата Стефана отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ дремучіе лѣса, окружавшіе Москву, и поселиться тамъ. Послѣ

долгихъ поисковъ они нашли, наконецъ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, мѣсто, которое имъ понравилось. На берегу рѣчки они выстроили себѣ келью и маленькую церковь. Вскорѣ Варѣоломей былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Сергія. Жутко было жить въ дикомъ лѣсу, гдѣ подолгу не случалось видѣть человѣческаго лица, гдѣ ничего не было слышно, кромѣ завыванія звѣрей. Не выдержавъ такой жизни Стефанъ и ушелъ въ Москву. Сергій остался одинъ. Еще страшнѣе и тоскливѣе стало вокругъ кельи; одни дикіе звѣри заглядывали къ пустыннику; но онъ не боялся ихъ и кротостью своею приручалъ къ себѣ. Жилъ онъ такъ два года, пока слава объ его святой жизни не распространилась далеко вокругъ. Стали приходить къ нему другіе монахи съ просьбою дозволить поселиться въ его пустынѣ. Сергій не отказывалъ; такимъ образомъ, собралось вокругъ него 12 старцевъ, и основался монастырь. Въ тѣ времена въ монастыряхъ часто не было общежитія: каждый монахъ жилъ въ своей кельѣ; имѣлъ свое собственное имущество. Сергій находилъ это неправиль-

Святой Сергій.

нымъ; онъ ввелъ у себя такой уставъ, какой былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ при Ѳеодосіи и Антоніи: братія все имѣла общее, всѣмъ должна была дѣлиться. Вначалѣ монастырь былъ очень бѣденъ; самое необходимое приходилось добывать при помощи тяжелыхъ трудовъ, такъ какъ Сергій не позволялъ просить по деревнямъ милостыни. Одежда у монаховъ и у самого Сергія была очень грубая и бѣдная; утварь домашняя и даже церковная—вся деревянная. И теперь ее можно видѣть въ ризницѣ Троицко-Сергіевской лавры.

Но такъ длилось недолго. Слава о Сергіи и его обители быстро разносилась; множество богомольцевъ стало стекаться къ нему. Между приходящими было много богатыхъ людей; они приносили съ собою драгоценные подарки и украшали церковь. Мало-по-малу монастырь разбогатѣлъ; при немъ устроилась больница и страннопріимный домъ; бѣдняки находили тамъ пріютъ и помощь. Не только простой народъ, но и бояре любили и уважали св. Сергія. Пользовался онъ и у митрополита московскаго такимъ почетомъ, что тотъ хотѣлъ его сдѣлать послѣ себя митрополитомъ. Смиранный подвижникъ отказался отъ этой чести, говоря, что съ юности не привыкъ къ роскоши и золоту. Такимъ же довѣріемъ и почетомъ пользовался Сергій и у князей: мирилъ ихъ во время ссоръ, давалъ совѣты при тяжелыхъ обстоятельствахъ. Всѣми уважаемый и почитаемый Сергій дожилъ до 78 лѣтъ; онъ скончался тихо, окруженный и оплакиваемый братіей и множествомъ народа.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный.

I.

Іоанну IV было три года, когда умеръ его отецъ. Государствомъ стала править мать Іоанна, великая княгиня Елена, при помощи бояръ; черезъ пять лѣтъ и она умерла. Великій князь былъ еще настолько малъ, что не могъ заботиться о землѣ русской. Правленіемъ

овладѣли бояре. Начались смуты и раздоры; бояре ссорились и враждовали за власть, за первое мѣсто. Верхъ надъ всѣми взяли князья Шуйскіе. Противниковъ своихъ они казнили или сажали въ тюрьму; много терпѣлъ отъ нихъ и народъ. Шуйскіе зорко смотрѣли за тѣмъ, чтобы никто не попалъ въ милость къ великому князю. Замѣтивъ, что Іоаннъ полюбилъ Воронцова, они приказали его схватить въ присутствіи великаго князя; и только просьбы Іоанна и ходатайство митрополита спасли Воронцова отъ смерти; его отправили въ дальнюю ссылку. Іоанну Васильевичу было тогда 13 лѣтъ. Много безчинствъ и насилій боярскихъ видѣлъ онъ на своемъ вѣку, но тяжелѣе всего легло у него на сердце Воронцовское дѣло. На строптивыхъ бояръ палъ гнѣвъ великаго князя: онъ неожиданно приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и отдать псарямъ на растерзаніе; сторонники его были сосланы.

Іоаннъ Грозный.

Постоянные смуты, вражда и соперничество бояръ въ малолѣтство Іоанна были причиною того, что онъ получилъ дурное воспитаніе. Отъ природы онъ имѣлъ жестокое сердце, горячій, крутой нравъ, скоро переходилъ отъ радости къ гнѣву, отъ печали къ веселію. Окружавшіе его люди заботились только о своихъ выгодахъ, поощряли его дурныя наклонности и жестокія забавы, желая отвлечь его вниманіе отъ дѣлъ. Малолѣтній князь бросалъ съ высокаго терема на землю кошекъ и собакъ и забавлялся ихъ мученіями, съ толпою сверстниковъ скакалъ верхомъ по городу, билъ и топталъ людей, а бояре хвалили его, говоря: „Храбрый будетъ государь“. Іоаннъ зналъ, что со временемъ будетъ самодержавнымъ правителемъ; дѣла государственныхъ дѣлались у него на виду, его именемъ. Когда принимали иноземныхъ пословъ, онъ стоялъ на первомъ мѣстѣ, ему оказывали почести; между тѣмъ въ дѣлахъ бояре совѣта его не спрашивали, приказаній не исполняли, просьбъ не слушали. Его постоянно заставляли чувство-

вать свое безсиліе и терпѣть униженіе; у него отнимали людей ему дорогихъ, ссылали, казнили ихъ, и онъ не могъ защитить ихъ. Съ юныхъ лѣтъ въ Іоаннѣ развилась ненависть къ вельможамъ, похитившимъ его права, и онъ задумалъ поставить власть свою высоко и грозно.

Въ 1547 году, 16 лѣтъ, Іоаннъ принялъ царскій титулъ и всенародно вѣнчался на царство. До этого времени московскіе государи назывались великими князьями. Вскорѣ Іоаннъ женился. По старому обычаю, было собрано въ Москву множество дѣвицъ, и царь выбралъ изъ нихъ дочь умершаго боярина Захарьина-Юрѣева — Анастасію. Въ это время власть захватили Глинскіе; опять началась вражда между боярами, а народъ терпѣлъ больше прежняго. 20 іюня въ Москвѣ поднялась сильная буря; загорѣлась церковь Воздвиженія, потомъ Кремль, царскія палаты; запылали церкви, монастыри, множество домовъ. Пламя проникло въ погребъ съ порохомъ и взорвало ихъ; оружейный снарядъ, казна — все сгорѣло дотла. Тысячи людей остались безъ крова и куска хлѣба. Такъ какъ народъ много терпѣлъ отъ Глинскихъ, то распространился слухъ, что они подожгли Москву. Толпа хлынула на Воробьевы горы, куда удалился царь съ семействомъ, и требовала выдачи Глинскихъ. Царь велѣлъ схватить и казнить зачинщиковъ; остальные разбѣжались.

Во время пожара Іоаннъ съ Воробьевыхъ горъ смотрѣлъ, какъ огонь пожиралъ церкви, палаты царскія и достояніе его предковъ; припомнилъ онъ зло, которое дѣлалъ людямъ, припомнилъ, какъ угнеталъ народъ, и московскій пожаръ показался ему праведной казнью, посланной Богомъ. Въ это время къ нему явился протопопъ, по имени Сильвестръ, сталъ увѣщавать его покаяться, грозилъ гнѣвомъ Божиимъ. Его суровая рѣчь сильно повліяла на впечатлительнаго Іоанна. Онъ смирился духомъ, измѣнилъ свою жизнь и подчинился вліянію Сильвестра; кромѣ того, царь приблизилъ къ себѣ Алексѣя Адашева, человѣка незнатнаго происхожденія, отличавшагося умомъ и чѣстностью. При помощи этихъ лицъ царь занялся внутренними дѣлами государства, обратилъ

вниманіе на положеніе народа, который былъ въ угнетеніи. Адашеву поручилъ онъ принимать челобитныя отъ обиженныхъ и безпристрастно разсматривать ихъ.

Тринадцать лѣтъ Сильвестръ и Адашевъ были самыми близкими совѣтниками Іоанна; это было самое счастливое время его царствованія. Царь созвалъ земскій соборъ, т. е. выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ русской земли. Въ воскресный день, послѣ обѣдни, онъ съ митрополитомъ вышелъ на площадь, поклонился народу, вспомнилъ про свои дѣтскіе годы, про насилія бояръ и сложилъ съ себя отвѣтственность за пролитыя слезы и кровь христіанскую; царь обѣщалъ впредь быть всѣмъ судьей и обороной. Онъ велѣлъ собрать всѣ законы и написать ихъ въ порядкѣ въ одной книгѣ, которая называется Судебникомъ. Судебникъ былъ составленъ еще при Іоаннѣ III, но теперь онъ былъ дополненъ. Боярамъ за службу раздавались помѣстья и города въ кормленіе, то-есть съ правомъ пользоваться доходами. Вмѣстѣ съ намѣстниками и дьяками на судѣ засѣдали и земскіе старосты, выбранные міромъ. Въ волостяхъ и селахъ въ дѣлахъ принимали участіе выборные старосты и цѣловальники, т. е. присяжные, ограждая народъ отъ воеводъ и дьяковъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали давать Уставныя грамоты, по которымъ цѣлыя области, внося въ казну извѣстный оброкъ, освобождались отъ управленія намѣстниковъ и выбирали себѣ „излюбленныхъ старостъ“, которые рѣшали дѣла. Былъ собранъ и соборъ для пересмотра порядковъ церкви, церковнаго управленія и религіозныхъ обычаевъ. Постановленія этого собора были раздѣлены на сто главъ, почему и соборъ называется Стоглавымъ.

Наряду съ заботами объ управленіи, Іоаннъ старался обезопасить свое государство отъ нападений татаръ. Освободившись отъ татарской неволи, московская Русь еще долго терпѣла отъ Казани и Крыма. На Казань царь дѣлалъ два похода, но неудачно. Въ 1552 году былъ снова предпринятъ походъ на Казань. Русское войско подступило къ городу и начало правильную осаду, въ которой уже замѣтно европейское искусство.

Несмотря на сильное сопротивленіе татаръ, русскіе разбили ихъ. Казань была взята. Взятіе Казани было великимъ дѣломъ: пало Казанское царство, принадлежащее татарамъ, — страшному для Руси народу.

Царь рѣшилъ завоевать и Астрахань, главный городъ небольшого татарскаго царства. Царскіе воеводы безъ труда взяли Астрахань, и она стала русскимъ городомъ. Оставалось завоевать Крымъ. Противъ крымскихъ татаръ было предпринято нѣсколько походовъ. Однако, при Іоаннѣ IV Крымское царство не было покорено.

Въ это время между царемъ и его совѣтниками начались разногласія: Сильвестръ былъ человекъ твердый, суровый; онъ поступалъ слишкомъ настойчиво, нерѣдко противъ воли царя, отъ котораго требовалъ полного подчиненія. Іоаннъ, зорко оберегавшій свою власть, тяготился этимъ; кромѣ того онъ потерялъ вѣру въ расположеніе къ себѣ Сильвестра. Царь сильно заболѣлъ и пожелалъ, чтобы бояре цѣловали крестъ на вѣрность сыну его Дмитрію; но такъ какъ царевичу не было еще и года, то бояре боялись, что власть перейдетъ къ родственникамъ царицы, и стояли за двоюроднаго брата царя Владимира Андреевича. Сильвестръ и Адашевъ были также противъ царской воли. Царь выздоровѣлъ, и въ глубинѣ его души затаилась вражда къ прежнимъ совѣтникамъ. Замѣтивъ нерасположеніе Іоанна, Сильвестръ удалился въ монастырь; Адашева Іоаннъ послалъ на воеводство въ Ливонскую землю. Затѣмъ умерла царица Анастасія, имѣвшая хорошее вліяніе на царя и пользовавшаяся расположеніемъ народа. Царь былъ въ отчаяніи. Враги Сильвестра и Адашева обвинили ихъ передъ царемъ въ смерти царицы. Былъ собранъ соборъ, который заочно судилъ прежнихъ совѣтниковъ царскихъ. Сильвестра сослали въ Соловецкій монастырь, а Адашева посадили подъ стражу. Многіе сторонники ихъ были сосланы или казнены. Смертью Анастасіи и удаленіемъ Сильвестра и Адашева оканчивается счастливое время царствованія Іоанна.

II.

Ливонскіе гѣмцы мѣшали русскимъ купцамъ вести торговлю съ западными иноземцами; они не пропускали иноземныхъ мастеровъ въ московское государство, боясь, что отъ иноземной науки Россія сдѣлается еще сильнѣе и завладѣтъ ихъ землей. Іоаннъ задумалъ покорить все балтійское побережье, отъ Риги до новгородскихъ предѣловъ, и началъ войну съ ливонцами. Сначала война шла успѣшно для русскихъ, но разоренная Ливонія отдалась подъ покровительство Польши, а сѣверная часть ея признала власть шведовъ. Это вовлекло русскихъ въ войну съ Польшей и Швеціей. Скоро русскіе стали терпѣть одну неудачу за другой и, наконецъ, принуждены были просить мира, при чемъ Москва совершенно отказалась отъ Ливоніи.

Во время ливонской войны многіе бояре стали переходить на службу къ польскому королю. Это было старинное право русскихъ бояръ; оно называлось „правомъ отъѣзда“. Іоаннъ сталъ брать съ бояръ поручныя записи, т. е. подписку въ томъ, что они не отъѣдутъ въ Литву и другія государства. Одинъ изъ воеводъ, князь Курбскій, перешелъ на службу къ польскому королю, а Іоанну прислалъ грамоту, въ которой укорялъ его въ лютости, кровопійствѣ, грозилъ ему небесною карою. Между царемъ и Курбскимъ возникла переписка, въ которой Курбскій защищаетъ древнія боярскія права, а Іоаннъ, указывая на божественное происхождение царской власти, отстаиваетъ самодержавіе и право жаловать и казнить бояръ по своему произволу. Отъѣздъ Курбскаго въ Литву, его участіе въ ливонской войнѣ, сильно раздражили подозрительнаго Іоанна: ему всюду стали мерещиться бояре-измѣнники; чтобы казнить ихъ безъ помѣхи, царь задумалъ необычное дѣло.

Въ 1564 году онъ неожиданно уѣхалъ съ семьей въ Александровскую слободу. Черезъ мѣсяцъ прискакали гонцы съ царскими грамотами къ митрополиту и народу. Обвиняя бояръ въ измѣнахъ и лихихъ дѣлахъ, царь отказывался править государствомъ. Узнавъ объ этомъ,

народъ сталъ умолять митрополита ѣхать къ царю съ просьбой не оставлять царства. Іоаннъ согласился остаться правителемъ съ тѣмъ, чтобы никто не препятствовалъ ему дѣлать все, что онъ захочетъ. Москва успокоилась, а царь принялся за задуманное дѣло. Онъ поставилъ себѣ особый дворъ, назначилъ особыхъ бояръ, служилыхъ и ратныхъ людей, выбралъ себѣ нѣсколько городовъ и волостей, роздалъ помѣстья особымъ князьямъ и боярамъ, въ Москвѣ назначилъ слободы и улицы, гдѣ велѣлъ жить своимъ людямъ. Эту особую часть государства Іоаннъ назвалъ опричниной, а земщину, т. е. остальную землю, воинство, судъ и всякія земскія дѣла, велѣлъ вѣдать боярамъ. Онъ хотѣлъ окружить себя новыми людьми и, такимъ образомъ, укрѣпить свою власть. Опричнина охраняла Александровскую слободу, гдѣ жилъ царь, предаваясь пирамъ и утѣхамъ. Не было злого дѣла, на которое не пошли бы опричники, ненавидѣвшіе надъ собою никакого суда. Выбравъ триста опричниковъ, царь называлъ ихъ монахами, себя игуменомъ, пѣлъ и читалъ въ церкви, а отстоявъ службу, шелъ пытать и мучить людей. Король польскій и великій князь литовскій прислали въ это время боярамъ грамоты, презывая ихъ къ себѣ на службу, что послужило поводомъ къ пыткамъ и казнямъ, отличавшимся страшною жестокостію. Опричники всенародно убивали опальныхъ людей; трупы ихъ лежали непогребенными, и никто не смѣлъ прикоснуться къ нимъ.

Въ это время митрополитомъ былъ св. Филиппъ. Онъ происходилъ изъ древняго боярскаго рода Колычевыхъ. Тридцати лѣтъ отъ роду Филиппъ удаленъ отъ міра и постригся въ Соловецкой обители. Сдѣлавшись митрополитомъ, Филиппъ являлся постояннымъ ходатаемъ за опальныхъ и угнетенныхъ и старался своими наставленіями укротить свирѣпость Іоанна. „Печалованіе“ за опальныхъ было стариннымъ правомъ русскихъ митрополитовъ. Опричники возненавидѣли митрополита и искали случая погубить его. Слушая увѣщанія Филиппа, царь приходилъ въ ярость, угрожалъ ему, но митрополитъ продолжалъ говорить свое. Однажды,

во время крестнаго хода, когда митрополитъ читалъ евангеліе, онъ замѣтилъ, что одинъ опричникъ надѣлъ на голову тафью. Митрополитъ пожаловался царю, но когда царь оглянулся, то опричникъ успѣлъ спрятать тафью. На вопросы государевы, опричники отвѣчали, что митрополитъ выдумалъ неправду по злобѣ. Іоаннъ пришелъ въ ярость, созвалъ соборъ судить митрополита. Его оклеветали въ разныхъ незаконныхъ дѣлахъ въ то время, когда онъ былъ игуменомъ въ Соловкахъ. Митрополитъ не оправдывался, такъ какъ зналъ, что осужденъ заранее. Во время обѣдни, въ Успенскій соборъ ворвалась толпа опричниковъ. Прочитавъ приговоръ суда, которымъ съ Филиппа снимался святительскій санъ, они сорвали съ него ризы, надѣли монашескую рясу и, выгнавъ изъ церкви метлами, повезли на дровняхъ изъ Кремля. Народъ толпой бѣжалъ за Филиппомъ и плакалъ. Онъ благословлялъ всѣхъ. Его заключили въ тверской Отрочъ монастырь. Впослѣдствіи онъ былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ, однимъ изъ самыхъ свирѣпыхъ опричниковъ.

Междѣ тѣмъ, одинъ бродяга донесъ, что новгородцы перешли на сторону польскаго короля, а грамоту объ этомъ положили въ Софійскомъ соборѣ. Царь послалъ въ Новгородъ вѣрнаго человека; грамота была найдена съ поддѣльными подписями архіепископа Пимена и людей новгородскихъ. Тогда Іоаннъ рѣшилъ казнить новгородцевъ за мнимую измѣну такъ, какъ еще русская земля не видывала. Онъ выступилъ въ походъ и, прибывъ съ опричниками въ городъ, началъ судъ: къ царю приводили бояръ, служилыхъ и другихъ людей новгородскихъ съ женами и дѣтьми; ихъ пытали, потомъ бросали съ моста въ Волховъ. Ратные люди ѣздили въ лодкахъ по рѣкѣ и топили всплывавшія тѣла баграми, кололи копьями, рубили топорами. Кровавая расправа тянулась пять недѣль. Опричники грабили монастыри, жгли хлѣбъ, избивали скотъ, опустошали усадьбы и помѣстья, убивали людей безъ разбора. Наконецъ, царь призвалъ оставшихся въ живыхъ людей и объявилъ, что милуетъ ихъ. Долго жила въ Новгородѣ память объ

этомъ страшномъ времени. Отсюда царь двинулся къ Пскову. Горожане вышли встрѣчать его съ хлѣбомъ-солью. Ихъ покорность умилила Іоанна; кромѣ того, юродивый Никола, къ которому зашелъ царь, устранилъ его предсказаніями гнѣва небснаго; Іоаннъ уѣхалъ изъ города, и Псковъ спасся отъ пытокъ, казней и разгрома.

Іоаннъ возвратился въ Москву; пытки и казни продолжались; мысль объ измѣнахъ не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью. Въ гнѣвѣ царь самъ себя не помнилъ. Разсердившись на старшаго сына, царевича Ивана, онъ въ ярости ударилъ его желѣзнымъ костьюлемъ въ голову и убилъ на мѣстѣ. Временами царь приходилъ въ себя; тогда совѣсть мучила его; душа изнывала отъ скорби, онъ каялся въ дѣлахъ своихъ, служилъ панихиды по убитымъ. Тяжкая тоска одолевала царя; онъ не находилъ себѣ мѣста; ночью онъ вскакивалъ, съ крикомъ бросался на полъ и лежалъ въ тяжеломъ забытѣ. Въ завѣщаніи, царь выразилъ свое тяжелое душевное состояніе въ слѣдующихъ строкахъ: „Тѣло изнемогло, болѣзнуеть духъ; струпы душевные и тѣлесныя умножились, и нѣтъ врача, который бы меня исцѣлилъ; ждалъ я, кто бы со мною поскорбѣлъ, и нѣтъ никого; утѣшающихъ я не сыскалъ; воздали мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь“. Передъ смертью царь разослалъ по монастырямъ грамоты, чтобы иночество молилось о немъ; съ боярами сдѣлался ласковъ, и сыну своему Ѳедору завѣщалъ царствовать кротко и благочестиво. 18-го марта 1584 г. онъ скончался. Ими Грознаго осталось за нимъ въ исторіи и въ народной памяти.

Завоеваніе Сибири.

Въ XV и XVI вѣкахъ было на Руси много людей, которые искали свободы, не хотѣли подчиняться тяжелымъ крестьянскимъ повинностямъ. Они уходили въ далекія степи, селились по берегамъ большихъ рѣкъ и соединялись въ общины. Назывались они вольными казаками. Часть этихъ казаковъ образовывала разбойничьи шайки, которыя избирали себѣ атамановъ, то-есть начальниковъ; на Волгѣ, гдѣ лежалъ большой торговый путь, онѣ нападали на купцовъ, на царскихъ пословъ, грабили казну и товары. Не разъ посылалъ царь Іоаннъ Грозный своихъ воеводъ съ приказаніемъ ловить и вѣшать разбойниковъ, но разбои и грабежи не прекращались.

Казакъ Ермакъ Тимофеевичъ былъ атаманомъ одной

Ермакъ, покоритель Сибири.

изъ такихъ разбойничьихъ шайкъ. Избрали его товарищи за удалство, за смѣлый нравъ и великую силу. Набралъ себѣ Ермакъ шайку молодцовъ и ушелъ съ ними на Волгу разбойничать. Никому не давалъ онъ проходу: ни царскимъ людямъ, ни посламъ иноземнымъ, ни купцамъ русскимъ. Вѣсть о разбойничьихъ дѣлахъ Ермака дошла до Москвы. Іоаннъ Грозный присудилъ Ермака съ товарищами къ смерти и выслалъ противъ нихъ сильную рать. Царское войско перебило много разбойниковъ, но Ермакъ не попался: онъ ушелъ съ своей шайкой на сѣверъ, въ пермскій край. Въ этомъ краю жили богатые

русскіе купцы Строгановы; царь пожаловалъ имъ много земли съ тѣмъ, чтобы на ней селились русскіе люди. Строгановы построили нѣсколько городовъ, занимались солянымъ промысломъ и торговлею, а для защиты отъ сосѣдей держали ратныхъ людей. Недалеко отъ строгановской земли, за Ураломъ, лежало татарское царство съ главнымъ городомъ Искеромъ или Сибирью. Когда Іоаннъ Грозный взялъ Казань, сибирскій царь Едигеръ вызвался платить ему дань собольими шкурами съ тѣмъ, чтобы русскіе обороняли его отъ недруговъ; но басурманскій царь Кучумъ убилъ Едигера, пересталъ платить дань московскому царю и, узнавъ, что Строгановы строятъ города и крѣпости, сталъ дѣлать имъ всякое зло. Пришлось Строгановымъ защищаться отъ нападений беспокойныхъ сосѣдей, но у нихъ было мало рати; много слышали они про удалъ казаковъ и отправили пословъ звать ихъ къ себѣ на службу. Въ это время Ермакъ бѣжалъ отъ преслѣдованія царскихъ воеводъ вверхъ по Волгѣ; приплылъ онъ къ поселку Строгановыхъ и быть принять съ честью.

Казацкая дружина, помогавшая Строгановымъ обороняться отъ инородцевъ, не могла долгое время нести скучную сторожевую службу: она жаждала удалыхъ подвиговъ; ея храбрый атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ вскорѣ склонилъ Строгановыхъ помочь казакамъ въ походѣ въ малоизвѣданную сибирскую землю. Снарядили Строгановы Ермака съ товарищами въ Сибирь, дали ему въ помощь ратныхъ людей и огнестрѣльное оружіе. Пустились казаки въ путь по рѣкамъ: плыли и на челнахъ, и на плотахъ; отъ одной рѣки до другой переходили пѣшкомъ. Такъ доплыли они до сибирскаго царства. Стали сибирскіе князья нападать на Ермака. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ не было, а бились они стрѣлами. Царь Кучумъ много слышалъ про удалство казаковъ и ихъ страшное оружіе, но все же не хотѣлъ отдать свое царство безъ боя. Собралъ онъ большую рать и послалъ противъ Ермака своего племянника Магметкула, а самъ остался на берегу рѣки Иртыша подъ горою. Яростно бился Магметкулъ съ Ермакомъ, но не могъ

одолѣть его и бѣжалъ съ поля битвы. Усталые казаки добрались до того мѣста, гдѣ находился Кучумъ. Солнце уже садилось. Отдыхать на открытомъ мѣстѣ было опасно; войско Кучума могло напасть среди ночи. Ермакъ увидѣлъ на берегу городокъ и взялъ его съ бою. Утромъ, едва стало разсвѣтать, помолились казаки и смѣло пошли къ мѣсту, гдѣ Кучумово войско огородилось застѣкой. Стрѣлы сибиряковъ посыпались на нихъ градомъ. Увидѣвъ, что казаковъ мало, сибиряки прорвали застѣку, и начался рукопашный бой. Казаки зарядили ружья и стали стрѣлять. Испуганные огнемъ, сибиряки бросились бѣжать; за ними послѣдовалъ и Кучумъ. Казаки вошли въ городъ Сибирь, жители котораго всѣ разбѣжались, и подѣлили между собою богатую добычу. Послѣ этой побѣды сосѣдніе сибирскіе народы принесли Ермаку дань и просили у него мира. Весною Ермакъ продолжалъ войну и взялъ въ плѣнъ Магметкула. Но число его товарищей все уменьшалось, и вотъ послалъ онъ атамана, по прозванію Кольцо, къ царю Іоанну съ извѣстіемъ о покореніи сибирской земли и съ просьбою о помощи. Царь простилъ казакамъ ихъ прежнія провинности, щедро наградилъ ихъ, далъ въ помощь двухъ воеводъ съ отрядомъ ратниковъ, а Ермаку послалъ богатые подарки.

Наступила суровая зима. Отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ появились болѣзни, а тутъ подоспѣла другая бѣда: одинъ сибирскій князь обманомъ заманилъ къ себѣ Кольцо съ товарищами и перерѣзалъ ихъ. Окрестные народы осадили городъ Сибирь, гдѣ находился Ермакъ. Ночью казаки толпою вышли изъ города, бросились на спящихъ татаръ и многихъ перерѣзали; остальные обратились въ бѣгство. Это была послѣдняя побѣда Ермака. Въ городъ Сибирь ждали купцовъ съ товарами, и Ермакъ узналъ, что на Иртышѣ ихъ не пропускаетъ царь Кучумъ; Ермакъ опять собралъ отважныхъ товарищей и пустился вверхъ по рѣкѣ. Не встрѣтивъ никого, казаки причалили къ острову, разбили шатры и заснули, какъ убитые, не поставивъ даже сторожевыхъ. Ночь была темная, лилъ дождь; между тѣмъ, татары

были близко. Кучумъ цѣлый день слѣдилъ за Ермакомъ, а ночью послалъ разыскать бродъ и высмотрѣть, что дѣлають казаки. Узнавъ, что они спятъ, татары тихо перебрались на островъ, бросились на нихъ и стали ихъ рѣзать. Проснулся Ермакъ, началъ звать товарищей, но почти все были мертвы. Тогда онъ бросился въ воду, хотѣлъ доплыть до лодки, но тяжелая броня потянула его ко дну, и онъ утонулъ. Такъ погибъ удалой атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ.

Послѣ смерти Ермака казаки покинули Сибирь, но его дѣло не погибло. Вскорѣ русскіе люди вернулись съ новою ратною силою и стали покорять инородцевъ. Такъ какъ у русскихъ было огнестрѣльное оружіе, то инородцы не могли долго бороться и покорились, обязавшись платить дань мѣхами.

Заселеніе Сибири.

Не трудно было завоевать сибирское царство: довольно было похода Ермака съ его отважными казаками. Страшнымъ ураганомъ пронеслись они по владѣніямъ вогуловъ, остяковъ и татаръ, много крови пролили, много юртъ разграбили. Но оружіемъ можно было только побѣдить; для того же, чтобы навсегда удержать за собою сибирское царство, надо было заселить его русскимъ народомъ.

Далеко раскинулась Сибирь: на 5 тысячъ верстъ въ длину, отъ Уральскихъ горъ до самаго Великаго океана, и слишкомъ на 2 тысячи верстъ въ ширину, отъ Сѣвернаго Ледовитаго моря до границъ Китая. И теперь еще плохо изслѣдованъ этотъ край, а тогда это была совсѣмъ неизвѣстная, суровая, дикая страна. Но въ ея непроходимыхъ лѣсахъ скрывалось много дорогого пушного звѣря, а въ землѣ находилось золото, серебро и другіе металлы. Поэтому, несмотря на суровый климатъ, край привлекалъ многихъ своимъ богатствомъ; волною хлынули сюда отважные искатели добычи; а московскіе цари стали усердно заботиться о заселеніи Сибири. Въ первые же годы

послѣ завоеванія ея выстроено было нѣсколько городовъ, сначала по главнымъ сибирскимъ рѣкамъ, а потомъ и по ихъ притокамъ. Города строились обыкновенно по царскому указу: пошлетъ царь воеводу съ войскомъ, а съ нимъ велитъ поѣхать духовенству, служилымъ, посадскимъ людямъ и крестьянамъ. Тяжело было разставаться съ родиною, отпрапляться въ далекую, малоизвѣстную страну, но царь давалъ поселенцамъ разныя льготы: служилымъ людямъ и духовенству платили большое жалованье; крестьянамъ отводили участки земли, давали деньги на обзаведеніе, хлѣбъ на сѣмена, свободу отъ пошлинъ и податей на первые годы. Такъ положено было начало городамъ Тобольску, Томску, Енисейску, Иркутску и многимъ другимъ.

Построить пришельцы городъ, устроятся, выпишутъ изъ Руси семейства, и станетъ всякій своимъ дѣломъ заниматься: кто пашней, кто промысломъ, кто торговлей. Дѣла на новомъ мѣстѣ было много, а рабочихъ рукъ мало; поселенцы старались принанять себѣ въ помощь „охочихъ, вольныхъ людей“. А такихъ бездомныхъ гулящихъ людей являлось въ то время за Уралъ много. Шли въ Сибирь удалцы, которымъ не повезло на родинѣ; ихъ привлекала богатая и легкая добыча; скрывались сюда холопы, бросавшіе своихъ господъ, воры и разбойники, бѣжавшіе отъ наказанія. Никакихъ грамотъ за Ураломъ не спрашивалось; разыскать кого-либо и водворить на мѣсто было совершенно невозможно; всѣ были здѣсь одинаково вольными людьми; всѣмъ охотно отводили участки земли, давали подмогу деньгами и хлѣбомъ или принимали на службу. Такъ садились пришельцы на землю, неподалеку отъ городовъ, къ нимъ прибавлялись все новые и новые поселенцы, и стали возникать въ Западной Сибири русскія деревни, разросшія потомъ въ многолюдныя села. Скоро въ Сибирь стали ссылатъ на житье различныхъ преступниковъ или людей, навлекшихъ на себя царскій гнѣвъ, крестьянъ, бѣжавшихъ отъ господъ, а то и военно-плѣнныхъ — поляковъ, шведовъ, французовъ и др. Они жили на свободѣ, селились въ городахъ и деревняхъ, поступали на службу или садились

на землю. Ссылные привыкали къ Сибири, и многіе потомъ оставались тамъ жить добровольно.

Хорошо можно было бы жить поселенцамъ на новой родинѣ: земли вдоволь, есть и покось, и лѣсъ, и рыбная ловля; крѣпостной зависимости сибиряки никогда не знали; каждый былъ свободенъ, работалъ на себя, только долженъ былъ нести государевы подати и повинности. Но не такъ-то привольно жилось на самомъ дѣлѣ. Въ городѣ правилъ воевода; онъ былъ полнымъ хозяиномъ въ своей области, налагалъ на жителей оброки и разныя повинности по своему усмотрѣнію, творилъ судъ и расправу, какъ ему Богъ на душу положить. И хотъ былъ воеводамъ наказъ отъ царя, чтобы они творили судъ праведный и русскихъ людей охраняли, но не такъ поступали воеводы; они позволяли себѣ всякіе поборы, грабежи и насилія. Особенно жестоко страдали отъ нихъ торговые и промышленные люди; воеводы ихъ нерѣдко совѣмъ разоряли. Обиженные часто жаловались въ Москву на воеводскія притѣсненія; воеводу иногда смѣняли, но и другой, присланный на его мѣсто, поступалъ не лучше и такъ же незаконно грабилъ сибирское населеніе.

Шагъ за шагомъ подвигались русскіе на востокъ: съ каждымъ захватомъ новыхъ земель строили они города, вырубали и выжигали лѣса, распахивали новыя пашни, заселяли многочисленныя села и деревни; инородцевъ облагали данью, или ясакомъ, и оттѣсняли все дальше и дальше, захватывая самыя удобныя земли. А охочіе люди: соболевщики, звѣроловы и рыболовы далеко заходили впередъ, разысывая по невѣдомымъ пустынямъ. Въ одномъ мѣстѣ они собирали ясакъ, въ другомъ выбивали звѣря, ловили рыбу, отыскивали мамонтову кость, собирали кедровые орѣхи; а то отбивали скотъ у инородцевъ или торговали съ ними, вымѣнивая водку, порохъ и разныя русскіе товары на дорогіе соболя, куньи и другіе мѣха. Не по совѣсти поступали при этомъ промышленники: они опаивали инородцевъ водкою, за безцѣнокъ брали мѣха, собирали ясакъ вдвое и втрое больше положеннаго, часто просто грабили туземцевъ.

Далеко вглубь страны заходили эти промышленники, облагали все новыя племена ясакомъ, строили новыя крѣпости. Такъ прошли они и укрѣпились по тремъ великимъ сибирскимъ рѣкамъ: Оби, Енисею и Ленѣ. Изъ построенныхъ городковъ стали посылать казаковъ еще дальше собирать ясакъ съ инородцевъ, пріискивать новыя земли. Страшныя трудности приходилось переносить казакамъ въ далекомъ пути, терпѣть холодъ и голодъ, строить себѣ зимовье за тысячи верстъ отъ русскаго городка. Часто инородцы крѣпко стояли за свою волю, отказывались платить ясакъ, возставали и хитростью или силою одолѣвали казаковъ. Много ихъ погибло безслѣдно въ дикихъ пустыняхъ, но нѣкоторымъ случалось утвердиться, получить подмогу отъ своихъ, и тогда тяжело приходилось инородцамъ: жестоко расправлялись съ ними казаки. Такъ пробрались русскіе на востокъ до Великаго океана, а на югъ до рѣки Амура. По слѣдамъ промышленниковъ и казаковъ тайно пробирались бѣглецы, скрывавшіеся отъ наказанія, „шли по рѣкамъ да по слѣдамъ бѣлки“, какъ говорить сибирская пословица. Далеко отъ городовъ и населенныхъ мѣстъ, подъ прикрытіемъ дремучихъ лѣсовъ и болотъ, селились они, расчищали лѣса и заводили пашни и жили тамъ иногда много лѣтъ, никому неизвѣстные. Когда же, наконецъ, ихъ открывали, то не уничтожали ихъ селъ, а только накладывали на нихъ государственную подать. Такъ все дальше и дальше шло заселеніе края русскими. Долго не могли примириться туземцы со своею участію; часто устраивали они заговоры, чтобы свергнуть господство русскихъ. Но заговоры ихъ кончались неудачами, силы слабѣли, и они понемногу стали привыкать къ своимъ побѣдителямъ, пріѣзжали въ русскіе города для торговли или сами привозили ясакъ, иногда оставались жить тамъ, поступали на службу. Русскіе поселенцы-крестьяне не относились къ нимъ, какъ завоеватели къ покореннымъ; они смотрѣли на вогула, самоѣда, остяка и татарина, какъ на такого же человѣка, не трогали ни вѣры ихъ, ни обычаевъ, знакомились, дружили и роднились съ ними; и инородцы мало-по-малу сами освои-

лись съ русскими нравами и обычаями, переняли русскій языкъ, крестились и такъ обрусѣли, что черезъ нѣсколько поколѣній почти слились съ русскими.

Переселеніе русскихъ въ Сибирь продолжается и до сихъ поръ; особенно много крестьянъ стало переселяться послѣ уничтоженія крѣпостного права. Попрежнему ищеть русскій человѣкъ приволья, и вотъ, прослышавъ, что тамъ, въ далекой странѣ, земли много, есть и луга и лѣса, продаетъ крестьянинъ свое имущество, разстается навсегда съ родиною и, забравъ жену и дѣтей, отважно пускается наудачу искать новыхъ земель для поселенія. Много горя и лишеній приходится выносить переселенцамъ въ пути; нерѣдко, не зная куда направиться, попадаютъ они на занятые уже или на плохія мѣста, непригодныя для поселенія; не перенеся невзгодъ и трудностей, больные, разоренные переселенцы часто возвращаются назадъ. Инымъ же посчастливится сразу попасть на хорошія земли, и они быстро обживаются на новыхъ мѣстахъ.

Начало смуты на Руси.

Послѣ смерти Ивана Грознаго осталось два сына: старшій, Ѳеодоръ, вступилъ на престолъ, малолѣтній же, Дмитрій, вмѣстѣ съ матерью былъ отправленъ въ далекій городъ Угличъ, подаренный ему отцомъ. Царь Ѳеодоръ былъ очень набоженъ и кротокъ, но умомъ недалекъ. Заниматься тяжелыми царскими дѣлами ему было не подъ силу. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ бояре стали мечтать о томъ, чтобы захватить власть въ свои руки. Самымъ умнымъ и хитрымъ изъ нихъ оказался царскій шуринъ Борисъ Годуновъ. Онъ сумѣлъ приблизиться къ Ѳеодору, такъ что тотъ осыпалъ его милостями и всѣ дѣла передать въ его руки. Много было бояръ старше Бориса по годамъ и знатнѣе по роду. Они не могли дружелюбно смотрѣть на царскаго любимца, не хотѣли ему подчиняться и составили между собою заговоръ: рѣшили подать царю жалобу на Году-

нова и просить, чтобы онъ удалилъ отъ себя шурина. Но не дошла жалоба до Θεодора, ее перехватилъ Борисъ. Увидѣлъ онъ, что нечего ему ждать добра отъ бояръ, и сталъ казнить и высылать ихъ изъ Москвы подъ различными предлогами; онъ думалъ оградить себя этимъ. Меньше стало у него недоброжелателей; никто не посягалъ на его власть.

Одна черная дума, одна мрачная боязнь глубоко запала въ душу честолюбиваго правителя: далеко-далеко, въ маленькомъ городкѣ, въ забытомъ Угличѣ, живетъ ребенокъ со своею матерью, которая холить и лелѣетъ и бережетъ пуще глаза единственное свое дѣтище. Вырастетъ этотъ ребенокъ, придетъ въ Москву, сядетъ на царскій престолъ, когда умретъ бездѣтный Θεодоръ, разгнѣвается онъ на боярина, который злоумышлялъ противъ него, и велитъ казнить его или заточить въ монастырь. И гнететъ, и мучитъ эта мысль честолюбиваго боярина до тѣхъ поръ, пока не пронеслась страшная вѣсть: умеръ этотъ ребенокъ, наслѣдникъ престола, послѣдній изъ стариннаго царскаго рода. Плачетъ, рыдаетъ неутѣшная мать, призываетъ Бога въ свидѣтели, что умеръ милый сынъ ея не своею смертию, а палъ подъ ножами убійцъ, подосланныхъ царскимъ шуриномъ. Плачетъ добрый царь и посылаетъ своихъ людей разузнать, какъ было дѣло. Возвратились тѣ и доносятъ, что ребенокъ закололъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Вѣритъ этому царь, но не вѣритъ народъ и втихомолку обвиняетъ Бориса. А Борисъ попрежнему остается царскимъ любимцемъ и заправляетъ всѣми дѣлами.

Четырнадцать лѣтъ царствовалъ Θεодоръ и умеръ въ 1598 году, не оставивъ по себѣ наслѣдника. Боялся народъ безначалія, боялся правленія бояръ; царскаго шурина, Годунова, просили быть царемъ. Долго онъ отказывался, но, наконецъ, согласился. Всѣмъ взявъ Борисъ: и умомъ, и красотой, и щедростью. Да не любить его народъ, считая цареубійцей. Первые три года царствованія его прошли благополучно; на четвертый годъ случился сильный неурожай. Трудно было народу пе-

ребиваться; однако, всё терпѣливо и съ надеждой ждали будущаго. Наступило лѣто; съ нимъ вмѣстѣ наступилъ неурожай еще страшнѣе прежняго: съ полей нечего было собирать; помѣщики не могли прокормить слугъ своихъ и распускали ихъ. Они собирались шайками и промышляли разбоемъ на большихъ дорогахъ. Голодные, обнищавшіе крестьяне плелись въ Москву, гдѣ царь изъ собственной казны раздавалъ щедрую милостыню. Тысячи бѣдняковъ явились въ столицу. Не хватило ужъ у царя запасовъ; велитъ онъ разыскивать хлѣбъ у богачей и продавать по дешевой цѣнѣ; затѣваетъ различныя постройки, чтобъ дать хоть какой-нибудь заработокъ голодающимъ. Но ничто не можетъ прекратить народное бѣдствіе: отъ большого скопленія голоднаго больного люда начинается моръ. Мрутъ въ Москвѣ тысячами; тѣла валяются по улицамъ, не успѣваютъ подбирать ихъ. Все больше и больше раздражается народъ противъ царя, такъ какъ думаетъ, что голодъ и моръ посланы Богомъ въ наказаніе за грѣхи его. Доходятъ эти слухи до Бориса, и дѣлается онъ подозрительнымъ: всюду ищетъ измѣны; всюду кишатъ доноски. Начинаются казни. Не въ могоутъ становиться жить ни боярамъ, ни купцамъ, ни ратникамъ, ни простому народу. Всѣ трепетно ждутъ какой-либо перемѣны или облегченія.

И въ это-то время разносится молва, что царевичъ Дмитрій живъ, что онъ спасся отъ убійцъ и скрывается въ Польшѣ, что скоро съ мечомъ въ рукѣ придетъ онъ требовать отцовское наслѣдіе. Ужаснулся Борисъ, хотя и твердо зная, что царевичъ дѣйствительно умеръ; клянется онъ въ этомъ народу, увѣряетъ, что тотъ, кто выдастъ себя за Дмитрія, дерзкій обманщикъ. Но не любить Годунова народъ и не хочетъ ему вѣрить. А между тѣмъ поляки всѣми силами стараются поддержать самозванца и деньгами, и воинами. Имъ все равно — истинный это царевичъ или самозванный; разсуждаютъ они такъ: удастся Дмитрію захватить русскій престолъ — хорошо; осыпетъ онъ ихъ своими милостями и вступитъ съ ними въ дружбу; не удастся — все же онъ внесетъ въ русскую землю раздоры и смуту. Правильно разре-

дили поляки: по первому кличу самозванца стали собираться вокругъ него буйные казаки и другіе безшабашные удалыцы, забывая, что присягали Борису. Скоро составилось порядочное войско, и двинулся Лжедмитрій на Москву добывать престолъ. Перешелъ онъ черезъ польскую границу; идетъ уже по московскимъ землямъ. Сдаются ему города одинъ за другимъ; навстрѣчу выходятъ духовенство, и всѣ жители привѣтствуютъ его, какъ истиннаго царевича. Одинъ только городъ не хотѣлъ сдаваться безъ боя — Новгородъ-Сѣверскій. Былъ тамъ воевода храбрый Басмановъ. Крѣпко стоитъ онъ за свое крестное цѣлованіе и уговариваетъ ратниковъ держаться, пока хватитъ силъ. Не удалось самозванцу взять этотъ городъ, двинулся онъ дальше; все покоряется ему по пути, и подступаетъ ужъ онъ къ самой Москвѣ. Не вынесъ душевныхъ мукъ своихъ Борисъ и скоропостижно скончался. Войско и народъ стали присягать сыну его, Θεодору. Но въ душѣ многіе склонялись на сторону самозванца. На кого было надѣяться, на кого положиться юному царю, какъ не на храбраго Басманова? Назначилъ онъ его начальникомъ надъ всѣми своими войсками. Но напрасно Θεодоръ понадѣлся на него: увидѣлъ Басмановъ между ратниками „шатость“, узналъ, что большинство держитъ руку Дмитрія, забылъ благодаренія Бориса и передался со всѣмъ войскомъ на сторону самозванца. Погибъ тутъ бѣдный юноша-царь: схватила его разбушевавшаяся чернь и заключила подъ стражу; затѣмъ онъ былъ тайно умерщвленъ. Тогда Дмитрій съ великимъ торжествомъ вступилъ въ Москву.

Недолго, однако, пришлось и ему царствовать — всего одиннадцать мѣсяцевъ. Бояре не могли простить того, что онъ пренебрегалъ ими, не уважалъ старинныхъ русскихъ обычаевъ; больше всего любилъ развлекаться съ польскими вельможами, да еще женился на полькѣ — католичкѣ Маринѣ Мнишекѣ. Составили бояре заговоръ и ночью, когда всѣ спали, ворвались во дворецъ. Дмитрій съ мечомъ въ рукахъ бросился имъ навстрѣчу. Раздалась ружейные выстрѣлы; пришлось бѣжать. Прыгнувъ онъ въ окно, но упалъ и вывихнулъ ногу. Заго-

воршики обступили его. Напрасно молилъ онъ, чтобы его вынесли на площадь къ народу, надѣясь тамъ найти защиту. Бояре добили его и вытащили на поруганіе изуродованный трупъ.

Осада Троицко-Сергіевской лавры и конецъ смуты.

Не прекратилась смута и послѣ убіенія Лжедмитрія. На престолъ вступилъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій. Былъ онъ человѣкъ умный и ловкій, но ни храбрости, ни твердой воли не имѣлъ. А тутъ еще появился новый самозванецъ, Лжедмитрій второй. Собралъ онъ вокругъ себя войско изъ казаковъ и бѣглыхъ холоповъ, подступилъ къ Москвѣ и остановился въ двѣнадцати верстахъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ. Стали приходить къ нему на службу польскіе паны со своими холопами; прельщала ихъ мысль о богатствахъ Москвы; шли они ради грабежа и наживы. Все больше и больше становилось войско Лжедмитрія. Всюду рыскали его шайки, всюду грабили, убивали русскихъ, жгли села и города, нападали на церкви, кололи иконы на дрова, церковныя чаши употребляли во время пировъ, хоругвями покрывали лошадей, вмѣсто попонъ. Далеко вокругъ лагеря „Тушинскаго вора“, такъ прозвалъ самозванца народъ, все запусгло. Ничѣмъ не могли тушинцы насытиться: все мало имъ было награбленнаго добра. И задумали они напасть на Троицко-Сергіевскую лавру, которая славилась своими богатствами. Кромѣ того, поляки сердились на иноковъ за то, что тѣ оставались вѣрны царю.

Собралось двадцатитысячное войско подъ начальствомъ двухъ знаменитыхъ польскихъ пановъ, Сапѣги и Лисовскаго, и двинулось на лавру. Жители окрестныхъ селъ въ ужасѣ бѣжали искать защиты за монастырскими стѣнами. Скопилось тамъ великое множество народу: старцевъ, женщинъ и дѣтей, а защитниковъ было мало, всего двѣ тысячи. Зато всѣ они рѣшили твердо держаться противъ враговъ, до послѣдней капли крови отстаивать святыни. Подступили поляки къ монастырскимъ стѣнамъ, расположились лагеремъ и стали гото-

виться къ нападенію: навезли пушекъ и стѣнобитныхъ машинъ, накопили ровъ, насыпали высокіе земляные валы, чтобы прятаться за ними, и начали пальбу. Шесть недѣль безъ перерыва обстрѣливали они лавру, но вреда большого не причинили: твердо стояли монастырскія стѣны, храбро держались ихъ защитники, ратники и монахи. Прекратили, наконецъ, поляки пальбу, рѣшили взять обитель приступомъ. И это имъ не удалось. Тогда придумали они подкопаться подъ монастырь и взорвать его на воздухъ. Провѣдали о томъ въ лаврѣ; пришелъ народъ въ ужасъ, съ минуты на минуту ожидая смерти. Но нашлось двое храбрецовъ изъ крестьянъ, которые узнали, откуда ведется подкопъ, пробрались въ него и подожгли порохъ. Сами они погибли, но монастырь и на этотъ разъ спасся. Всѣ средства перепробовали поляки; оставалось одно: взять обитель „изморомъ“ — обступитъ ее со всѣхъ сторонъ и не допускать подводу съ провизіей. Такъ и сдѣлали. Наступала уже зима. Много было въ монастырѣ запасовъ, но и народу было такое множество, что скоро сталъ обнаруживаться недостатокъ въ пищѣ и хорошей водѣ; отъ тѣсноты въ помѣщеніяхъ завелась страшная грязь, стали распространяться разныя болѣзни. Каждый день умирали люди десятками. Мало оставалось у лавры защитниковъ; изъ послѣднихъ силъ держались они. Шестнадцать мѣсяцевъ выстрадали такъ сидѣльцы, пока, наконецъ, поляки не потеряли надежды взять лавру и не отступили.

Между тѣмъ, тяжело приходилось и царю: ничего не могъ онъ подѣлать съ Тушинскимъ воромъ. Но тутъ на выручку ему явился его племянникъ, молодой князь Скопинъ-Шуйскій. Это былъ способный, умный и храбрый воевода; несчастія родной земли мучили его, и онъ рѣшилъ всѣми силами своими постоять за Русь; собралъ онъ войско и двинулся къ Москвѣ. Всюду, гдѣ попадались ему отряды поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, онъ разбивалъ ихъ. Съ великимъ торжествомъ вступилъ онъ въ Москву; съ восторгомъ встрѣчалъ народъ своего единственного защитника. Много добра еще сдѣлалъ бы молодой князь, если бы не умеръ вне-

запно на пиру у царскаго брата. Сталъ обвинять народъ Шуйскаго въ томъ, что онъ изъ зависти велѣлъ отравить племянника; еще больше не взлюбили царя. Собрали москвичи сходку и рѣшили просить Шуйскаго отказатьсь отъ царства. Шуйскій не согласился на это, тогда его схватили и насильно постригли въ монахи.

Опять осталась земля русская безъ царя; править стала боярская дума, состоявшая изъ семи знатныхъ бояръ. Стали судить да рядить, кого выбрать царемъ: одни хотѣли русскаго, другіе предлагали польскаго королевича Владислава. Для того, чтобы скорѣе покончить споръ, приверженцы Владислава впустили ночью поляковъ въ Москву. вмѣсто королевича, который обѣщалъ принять православіе, на русскій престолъ задумалъ вступить самъ польскій король. Россія совѣмъ погибала. Одинъ только голосъ смѣло раздавался на защиту отечества, голосъ патріарха Гермогена. Гдѣ могъ, онъ говорилъ самъ, куда не доходилъ его голосъ — ѣхали гонцы съ грамотами; всѣхъ призывалъ онъ встать на защиту отечества. Не понравилось это полякамъ; схватили они его и заключили въ темницу. Но было уже поздно: кличъ Гермогена разнесся повсюду: города стали ополчаться одинъ за другимъ, отовсюду потянулись ратники на выручку столицы. Узнали объ этомъ поляки, засѣвшіе въ Москвѣ, испугались и подожгли городъ, а сами заперлись въ Кремлѣ. Ополченцы подступили, между тѣмъ, къ Москвѣ и расположились лагеремъ. Начальство надъ войскомъ принялъ Ляпуновъ; онъ былъ очень способный и рѣшительный человекъ, умѣлъ держать войско въ повиновеніи, не позволялъ безчинствовать и грабить. За это многіе не любили его, и среди казаковъ нашлись злодѣи, которые зарубили его саблями.

Тогда настало такое лютое время, что люди уже не чаяли спасенія себѣ. Казалось, враги разорвутъ русскую землю на части, совѣмъ уничтожатъ ее: съ одной стороны шведы покоряли одинъ городъ за другимъ; съ другой — все больше и больше тѣснили поляки; шайки ихъ рыскали всюду, грабили все, чего не захватили прежде; появились новые самозванцы, бунтовавшіе на-

родъ. Казаки подъ видомъ защиты отечества грабили такъ же, какъ и поляки. И ко всему этому присоединился еще голодъ. Пришла земля русская въ полное разореніе: города и села запустѣли, купцы прекратили торговлю, ремесленники перестали заниматься ремеслами, крестьяне не могли обрабатывать землю.

И не было ни одного человѣка, который бы рѣшился кликнуть кличъ на защиту отечества. Тутъ опять на защиту встаетъ лавра. Настоятель ея всюду разсы-

Мининъ и Пожарскій.

лаетъ грамоты, какъ прежде разсылалъ ихъ патріархъ. Одна изъ такихъ грамотъ попадаетъ въ Нижній Новгородъ въ руки мясника Кузьмы Минина Сухорукова; читаетъ онъ ее и не можетъ дольше молчать. Идетъ на площадь, собираетъ народъ и начинаетъ говорить. Говоритъ онъ о бѣдствіяхъ родной земли, о томъ, что невозможно больше терпѣть такія насилія, что пора всѣмъ встать и идти на освобожденіе Москвы. Говоритъ онъ такъ, что народъ вокругъ него рыдаетъ. Граждане хватаются за оружіе и сносятъ на площадь драгоценности и деньги, чтобы было чѣмъ содержать войско. Составилась сильная рать; начальникомъ былъ выбранъ

умный и добрый князь Пожарскій. Когда разнеслась молва о томъ, что нижегородцы встали, какъ одинъ человекъ, начали и другіе города сговариваться итти на выручку къ Москвѣ. Собрались всѣ ратники и ополченцы въ Ярославль и оттуда, подъ начальствомъ Пожарскаго, двинулись къ столицѣ. На помощь полякамъ, заступившимъ въ Кремлѣ, явились новые отряды; но поляки не могли устоять противъ всей земли русской и бѣжали обратно въ Польшу.

Такъ очистилась Русь отъ поляковъ. Легче вздохнула она; но все же безначаліе продолжалось; нужно было подумать о выборѣ царя. Въ 1613 году собрались въ Москву лучшіе люди ото всѣхъ городовъ и рѣшили въ одинъ голосъ просить на царство юнаго Михаила Феодоровича Романова: онъ былъ самый близкій родственникъ прежнему царскому дому, и вся семья его издавна пользовалась большимъ почетомъ въ народѣ.
